

ВТОРОЕ РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
РАБОЧЕЙ ГРУППЫ СВОП В РАМКАХ ПРОГРАММЫ
"РОССИЯ В ГЛОБАЛИЗУЮЩЕМСЯ МИРЕ"
19 декабря 2000 г., гостиница «Арбат»

С.Караганов. Сегодня мы продолжаем наше обсуждение, которое началось в прошлый раз. Напомню, что речь идет о том, чтобы подготовить научно образовательную программу Совета, которая имеет в виду втягивание российской политической, экономической, учебной и иной элит в процесс дискуссии понимания того, что происходит в мире и преодоление той ситуации, которую можно только охарактеризовать как ментальная самоизоляция. Результаты данного обсуждения, как и всех остальных, у нас еще состоится, по крайней мере, два до подготовки промежуточного доклада, который будет подготовлен к марту следующего года, нацелены на то, чтобы собрать все ваши мысли в единую полосу. У нас происходит запись, эта запись затем расшифровывается, и у каждого из вас, и у каждого из нас будет, соответственно, в любой момент нашей работы и к концу нашей работы будет некий талмуд тех самых идей, которые мы излагаем.

Мы сегодня обсуждаем доклад профессора Иноземцева. С моей точки зрения, очень яркий и интересный, хотя вызывающий много вопросов. К нему же одновременно был приложен доклад доктора Делягина, который сегодня мы не обсуждаем, но который вполне можем, тем не менее, ругать. Еще более спорный, с моей точки зрения, доклад Делягина очень интересно дополняет тезисы Иноземцева. Затем у нас будет где-нибудь в январе заседание по поводу этих новых тенденций и что они означают для мировой политики, а затем мы, возможно, уже в феврале, еще не ясно какую тему обсудим, затем в марте обсудим предварительные итоги и двинемся уже по кускам обратно, рассыпая на отдельные темы, но уже на новом интеллектуальном уровне; на май следующего года, если все будет нормально, намечен пилотный выпуск журнала «Глобальный мир и Россия», обязательства денежные под него получены. Это будет элитный журнал для элиты, интеллектуально-публицистический, который будет рассылаться всем, кто думает и пишет в России, будет Интернет-версия для тех людей, которые еще не известны нам, и одновременно будет, видимо, сайт этого журнала на сайте «Форно ферес», (?) а «Форно ферес» совместно с нами будет издавать этот журнал. Естественно, потому что деньги мы от них не возьмем, а возьмем только интеллектуальный продукт, но бесплатно. (Почему денег-то не взять?). По двум причинам. Во-первых, не дают ничего. (Смех в зале). Во-вторых, я думаю, что если мы станем просить, то мы очень скоро были бы обвинены в том, что являемся подразделением, агентом влияния, подразделением жидо-масонской ложи и т. д. Это было бы не правильно, потому что мы как раз все наоборот. (Смех в зале).

Я с удовольствием теперь передаю бразды правления Николаю Васильевичу, который будет дальше нам диктовать свои условия. Напомню, что сегодня обсуждаем доклад г-на Иноземцева или, вернее, то, что он скажет. Потому что то, что он представил, это тезисы к его докладу. Мы договорились, что он даст более развернутый вариант того, что он сказал. Может быть, не согласится с тем, что он написал.

В.Иноземцев. Я постараюсь быть достаточно кратким. Я думаю, уложусь где-то в 15—20 минут, и при этом постараюсь не повторять то, что уже было отмечено в тезисах. Сегодня основные вопросы, которые я хочу поднять, касаются экономических аспектов процесса глобализации. Я сам по образованию экономист, и вполне возможно, что основной аудитории мои мысли будут казаться несколько односторонними, потому что я действительно достаточно серьезно буду обсуждать сегодня исключительно экономические аспекты глобализации, не вдаваясь в политические последствия, но как бы учитывая социальные.

Во-первых, всегда, когда мы начинаем говорить о глобализации, необходимо сказать несколько слов о терминах и понятиях. К сожалению, здесь нет Михаила Геннадьевича Делягина, потому что, я думаю, он был бы противником такой постановки вопроса. Но я

считаю, что процесс глобализации достаточно продолжительный по своей исторической динамике и, в принципе, отдельные элементы этого процесса проявлялись с конца, с последней трети прошлого века. Сейчас речь о том, что процессы глобализации могут рассматриваться как таковые тогда, когда мы сталкиваемся с движением развитых стран, с экономическим проникновением, политическим, социальным в фактически все регионы мира и сталкиваемся с тем, что начинается борьба интересов этих стран, борьба интересов их компаний, их политических, социальных интересов в различных, весьма удаленных от них точках мира. В данном случае процессы глобализации начинаются с начала 20 века и до сегодняшних дней представляют достаточно последовательно разворачивающиеся процессы, имеющие определенные отступления, откаты, какие были, например, заметны, в 30-е годы, имевшие определенные точки очень быстрого развития, которые имелись перед первой мировой войной и в последнее двадцатилетие. Но, так или иначе, процесс глобализации достаточно необратим по целому ряду экономических в первую очередь причин.

Говоря о глобализации, мы должны иметь в виду то обстоятельство, оно может нравиться или не нравиться, но, оно, на мой взгляд, вполне реально, что процесс глобализации это процесс, порожденный в рамках западноевропейского континента. Фактически Западная Европа, непосредственно Соединенные Штаты, которые тоже значительно являются продуктом Западной Европы, являлись вдохновителем глобализации этих процессов в течение всего 20 века. И так или иначе глобализация является, я не могу сказать синонимом, что это одно и то же, но глобализация есть проявления процесса, который можно более узко назвать вестронизацией. Т. е. глобализация не породилась ни в России, ни в Юго-Восточной Азии, ни в Латинской Америке. Фактически глобализация есть процесс перенесения развития и распространения западных экономических, в первую очередь, а во вторую очередь, социальных и политических ценностей в цивилизационных рамках. В данной ситуации, безусловно, сама такая постановка вопроса означает, что глобализация не может, как это ни парадоксально на первый взгляд, не может приводить к становлению однородного мира. Это первое очень существенное противоречие, которое мы видим в процессе глобализации.

Т. е. с одной стороны, если рассматривать глобализацию как процесс стирания всякого рода различий между отдельными регионами, как процесс распространения универсальных ценностей и подходов на разные части планеты, то фактически итогом глобализации, и это действительно, наверное, правильная методологическая постановка, должна стать реальная полицентричность мира, реальная ситуация, когда отдельные регионы... Т. е. итог глобализации, если это действительно глобализация в подлинном смысле слова, есть потеря центров.

На сегодняшний день ситуация, мы это прекрасно видим, совершенно противоположная. Наоборот, центр, который как бы исторически был источником глобализации, не только утрачивает, но наоборот укрепляет свое очевидное лидерство и приходит к реальному доминированию в мировой экономике, политике и их социальных отношениях. Основное противоречие глобализации на сегодняшний день, как мне кажется, заключается в том, что процесс вестернизации является двигателем глобализации, но при этом он не может получить своего полного завершения в сегодняшней ситуации. Я не могу сегодня загадывать на будущее и говорить, получит ли этот процесс завершение допустим через 100 или 150 лет. Я могу вполне жестко констатировать, что в ближайшие несколько десятилетий при всех формальных успехах глобализации: при безумной информационной революции, при распространении финансовых, информационных потоков — на сегодняшний день глобализация находится в значительной мере в некотором кризисном состоянии, в том ее аспекте, что западный мир, в течение последних десяти лет я пытаюсь это обосновать, в большей мере замыкается в масштабах оставшейся части мира, чем наоборот открывается в этой оставшейся части мира. В этой связи мы должны учитывать, откуда вытекает такой подход. Он вытекает из рассмотрения реальной статистики, которая показывает, что, допустим, в последние 50 лет, прошедшие со времени второй мировой войны, в мировой экономике очень жестко прослеживаются совершенно очевидные

тенденции, подтверждающие, что западный мир становится все более реально независимым от остальной части человечества, хотя формально, безусловно, он все более и более активно с ней взаимодействует.

Если мы посмотрим на состояние международной торговли, то увидим, что движение товарных потоков между допустим Европой и остальным миром (т. е. не Европой и Соединенными Штатами, а Европой и государствами, принадлежавшими в это время ко второму, так сказать, советскому или третьему миру)... Постоянно их товарооборот в относительном выражении к торговле, допустим, Европейского сообщества, снижается. То же самое происходит в Соединенных Штатах. Если, допустим, мы посмотрим на статистику торговли Великобритании в середине прошлого века, то мы увидим, что в Великобритании порядка 19% ВВП приходилось, как бы объем торговых транзакций в 1940 году был порядка 19% ВВП. В Соединенных Штатах сегодня он стоит порядка 8% ВВП. В данной ситуации речь идет о том, что если мы рассмотрим Европу не как совокупность отдельных стран, которые очень активно торгуют, в основном друг с другом, а как реальный европейский союз, то увидим, что действительно за рамки европейского союза выходит экспорт не более чем 7—9% суммарного ВВП стран союза.

Очень жесткая прослеживается тенденция, согласно которой движение товарных потоков между развитыми странами и остальным миром сокращается, а внутри развитых сообществ стран растет. Еще более заметно это явление в применении инвестиций. Мы постоянно говорим о том, что мир взаимозависим, что фонды, рынки, минимальное падение на знак, типа вчерашнего, на 8 пунктов, открывает в Токио или на Дальнем Востоке снижение на несколько процентов. Это действительно так, это безусловно верно, но в значительной мере эти тенденции не нужно переоценивать по той простой причине, что падение тех же самых восточноазиатских индексов или российского индекса, как результат очень незначительного снижения американского, не есть, скажем так, реакция собственно российских инвесторов или восточноазиатских инвесторов. Это есть фактически реакция тех же самых западных инвесторов в других регионах. Не нужно переоценивать объемы транзакций на рынках юго-восточной Азии и Латинской Америки, потому что эти транзакции фактически есть транзакции американских инвесторов, только идущих через другие банковские счета в другом регионе мира.

Я хочу подчеркнуть, что если мы будем говорить о реальных инвестициях, допустим, Мексика или Канада, которые являются самыми известными, самыми близкими торговыми партнерами Соединенных Штатов, получают в общей сложности не более 8% американских (?)овых инвестиций. Тогда как одна Великобритания получает 23%. И если вопрос инвестиций стран Евросоюза, то реально порядка 80% этих инвестиций направляется в те страны, которые обладают примерно аналогичным по уровню экономического развития потенциалом, как и Западная Европа. То же самое относительно Соединенных Штатов.

Таким образом, я хочу сказать, что торговые и инвестиционные потоки, а именно эти моменты являются основными для понимания реальной экономической активности. Все эти движения очень серьезно локализируются в Соединенных Штатах и Западной Европе. И если посмотрим за последние два года на две-три крупнейших международных сделки по слиянию и поглощению компаний. 14 из них были инициированы западноевропейскими компаниями, 5 — американскими, 1 — компанией, зарегистрированной на Багамских островах. Ни одна компания не инициировала такую сделку, ни одна не была поглощена в ходе таких сделок ни в Японии, ни в Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что в этих регионах производят значительный, даже больший объем, до 40% валового национального продукта мирового, активность как бы развитого мира в этих регионах серьезно ослабевает. И это случается именно в последние 10—15 лет.

Почему это происходит? Я не буду повторять и долго говорить о том, насколько беспрецедентны стали различия между первым и четвертым миром, т. е. государствами Африки, беднейшими государствами Азии, частью Латинской Америки и т. д. Каковы причины такого положения дел? На сегодняшний день, мне кажется, эти причины гораздо

более глобальные, более серьезные, чем сугубо экономические проблемы, связывающие развитый мир с менее развитым. Дело в том, что развитые страны уже порядка 30 лет осуществляют активное движение в некоем социальном поле постиндустриального общества. Эта новая социальная реальность очень серьезным образом отличается от прежней реальности. Основным отличием является то, что, как мы знаем, в экономике существует понятие «фактор производства». Обычно говорится о том, что фактором производства является труд, земля и капитал. В этом отношении, говоря об этих трех факторах производства, говорят именно о труде. Т. е. труд, земля и капитал — это все три воспроизводимых фактора производства, которые реально входят в процесс производства, поглощаются в нем и приводят к изданию готового продукта. На сегодняшний день, когда мы говорим о постиндустриальной экономике, мы должны иметь в виду, что одним из важнейших фактов производства в этой связи стала информация и знания, даже не столько информация, сколько знания. И когда мы, попав на четвертый фактор, получаем картину качественно отличную от любой картины исторического прогресса, о котором мы когда-либо слышали.

Возникает вопрос: кто является, владелец какого ресурса является контролирующим как бы в национальную экономику в рамках того или иного общественного устройства. Мы увидим, что достаточно положительная эпоха, а именно там средневековая, феодальная эпоха, была ознаменована тем, что доминирующие позиции играли владельцы земельной собственности. Капиталистическая эпоха была ознаменована тем, что реальную власть имели владельцы капитала. На сегодняшний день, как бы неудачи советского эксперимента показали, что достижение реальной власти теми гражданами, кто владеет только своим трудом, в общем-то иллюзорно. На сегодняшний день новое, как бы контролирующее условия постиндустриальное общество — это люди, которые владеют информацией. Речь идет о том, что не может как бы управлять обществом владелец того ресурса, предложение которого может быть безгранично. Капитал один из самых ограниченных ресурсов. Труд — это единственный в мире ресурс, который существует в любых количествах и который, наоборот, недопотребляется. Поэтому как только мы признаем, что власть в западных обществах как контрольная позиция переходит к классу носителей знания, картина резко меняется. Мы видим раскол современного мира на первый — третий мир совершенно с иной точки зрения. Речь идет о том, что серьезное нарастание международного неравенства, которое имеет место в последние годы, является результатом, как это ни странно, менее заметного, но не менее важного, а то и более важного процесса, а именно нарастания внутреннего неравенства внутри развитых стран. Таким образом, деление развитых стран на, скажем так, владельцев интеллекта, использующих этот интеллект людей и ту страту, которую сейчас называют андерстратом, ту страту, которая фактически выбрасывается за пределы информационного производства. По сути дела эти два противоречия, два процесса одного порядка. Как в развитых странах часть населения выводится за грань производства, становится такими асоциальными элементами, так и в часть стран, не способных вписаться в информационное хозяйство, выводится за его пределы и тоже становится дальше лишним элементом социальным в мировом масштабе. Именно поэтому и возникают такие безумные различия. Эти различия в состоянии наций копируют безумный рост социального расслоения, имущественного расслоения внутри развитых стран. Сегодня доходы управителей корпораций, доходы всех, кто создает свои собственные компании в области высоких технологий, доходы программистов, исследователей в таких областях безумно превосходят доходы ординарных рабочих на Западе. И то же самое происходит в ситуации, когда уровень жизни в развитых странах серьезно превосходит уровень жизни в развивающихся. И этот процесс будет идти до тех пор, пока будет развиваться информационная экономика. Альтернативы ему не может возникнуть.

Таким образом, я хочу сказать, что процесс глобализации на сегодняшний день является как бы... Он не то чтобы находится в тупике, он находится перед лицом очень серьезных испытаний. Речь идет о том, что глобализация сегодня очень активна в самых формальных моментах, это в моментах, связанных с информатизацией, с состоянием

информации, с распространением всякого рода систем, позволяющих делать финансовые транзакции исключительно быстро в разных регионах мира. Но при этом центры глобализации, центр перемен остается жестко локализован в рамках западного мира. Финансовое богатство также остается жестко локализовано в рамках западного мира. Единственная как бы страна, пытавшаяся добиться больших успехов и добившаяся их в 80-е годы — это Япония. В 1982 году она была самым крупным мировым нетто-кредитором. Сегодня, в 1999 году, объем государственного долга Японии превысил государственный долг США. Как бы это страна, которая показала невозможность конкуренции индустриальной нации в постиндустриальную эпоху, когда японцы очень прекрасно заделывали западные достижения, но ничего не создают своего собственного.

Таким образом, как бы центр глобализационного процесса остается в Европе и Америке, финансовые потоки сосредоточены там же, торговля между этими странами развивается гораздо быстрее, чем между ними и периферией, и инвестиции внутри этих стран также развиваются быстрее, чем инвестиции от них в периферийные страны. Таким образом, глобализация должна взять некую передышку, на мой взгляд. Потому что противоречия между развитыми странами и бедными странами, как я уже заметил, они повторяют противоречия между бедной и богатой частью населения самих развитых стран. На сегодняшний день проблема противодействия глобализации может начаться из двух источников, а именно: это как бы попытка третьего, четвертого мира восстать против этого процесса и каким-то образом попытаться Запад принудить к более равномерному распределению богатств. На сегодняшний день эти возможности абсолютно ничтожны, на мой взгляд. И с другой стороны, это возможность ее социального конфликта внутри развитых стран. Эта возможность, хотя ее фактически никогда не обсуждают, но она более опасна. Развитые страны сейчас обладают такой экономической мощностью, которая дает возможность погасить экономический кризис в любой из стран периферии. Примером тому являются действия Запада по разрешению мексиканского долгового (?) кризиса, аргентинского долгового кризиса, азиатского кризиса 1997 года, изумительно эффективная в зародыше локализация уничтожения современного на прошлой неделе, в прошлом месяце кризисов в Турции и т. д. Т. е. в этом отношении развитые страны имеют возможность воздействовать на периферию с тем, чтобы поддерживать ее в нормальном состоянии. Но если взрыв будет происходить, социально-экономический кризис начнет распространяться не с периферии в сторону центра, как было в 1997 г., когда фактически азиатские рынки рухнули, но западные рынки через полгода после этого оправались и стали расти еще быстрее. Если такой экономический кризис начнется из центра и распространится в сторону периферии как бы, ответа на это адекватно уже не даст никто. И как бы сейчас проблема тех же самых стран третьего мира заключается не в том, чтобы... в принципе, более всего нужно бояться не того, что их продукция станет менее конкурентоспособная в случае каких-то ситуаций, а в том, что действительно американский рынок может войти в глубокую рецессию. В таком случае как бы Азия перед лицом кризиса, 1997 год покажется мелкими шутками.

Таким образом, сейчас, на мой взгляд, западные страны должны реально осознать существующие в их собственной экономике серьезные проблемы и направить очень серьезные усилия на исправление ситуации, на разрешение социально-экономических противоречий внутри самих развитых стран. Поэтому, я думаю, что в ближайшие 20—30 лет эта проблема очень серьезна. Никакие серьезные попытки, идущие со стороны развитых стран, для улучшения ситуации в третьем мире, для вовлечения его более интенсивно в процесс глобализации, для улучшения экономического положения — они фактически нереальны. Т. е. я думаю, что в ближайшие лет 20—30 мои как бы прогнозы достаточно пессимистичны. Третий мир, который в какой-то мере поддерживался Западом в последние 10 лет, лишится такой поддержки и ситуация в нем будет еще хуже.

Что касается российской ситуации? Я постараюсь быть здесь еще более краток. В российской ситуации мы имеем дело со страной, которая на протяжении достаточно продолжительного периода времени имела очень серьезные достижения в рамках

индустриального развития и фактически не имела серьезной индустриальной составляющей своей экономики, постиндустриальной составляющей своей экономики. Безусловно, я сожалею еще раз об отсутствии Михаила Геннадьевича Делягина. Он наверняка развил бы эту идею в своих выступлениях. Но очень часто говорится о том, что в России существует большое количество технологий разного рода, которые действительно обнаруживают некий серьезный постиндустриальный потенциал, который дает возможность успешно вписаться в рамки глобализации. Часто говорят об интеллектуальном потенциале России, о том, что именно как бы человеческое богатство страны тоже дает возможность перейти в постиндустриальное состояние и конкурировать со странами, являющимися лидерами глобализации.

Дело в том, что, опять-таки рассуждая чисто как экономист, я хотел бы отметить в этой связи два момента. Во-первых, индустриальная экономика во всех странах представляла собой экономическую систему, при которой пропорциональное увеличение затрат и прочих разных факторов привело к пропорциональному увеличению результата. Главное, если, допустим, нам необходимо было бы выплавить 1000 тонн стали, то мы могли построить одну мартеновскую печь и выплавить их. Если надо было выплавить 5 тыс. тонн, мы должны были построить 5 мартеновских печей. Строилось это на основе высокой зарплаты строителей или на основе методов ГУЛАГа — особой разницы не играло. Потому что главным был результат. Чтобы прокопать 100 м канавы с экскаватором нужно 2 часа, то вполне можно согнать 100 человек и выкопать за те же 2 часа. Т. е. таким образом результат достигался путем как экономических, так и внеэкономических методов. Сегодня речь идет развитии информационного хозяйства, о развитии творческой способности человека. Творческие способности человека неэкономическими методами, методами насилия мобилизованы быть не могут. Условно говоря, один хороший программист может написать программу в Windows за 2 месяца, но 300 выпускников ПТУ даже в лагерных условиях не напишут за 2 месяца. В этой связи вопрос заключается в том, что постиндустриальное общество в его нынешнем варианте реально развивается на основе очень серьезных изменений в психологии, в уровне жизни граждан. Эти изменения, в первую очередь, являются по своей природе экономическими. Речь идет о том, что невозможно создавать реальное информационное производство, производство технологий, не направленное как бы на собственное потребление. По сути дела, все товарищи, которые говорят о том, что Россия может войти в постиндустриальный мир на основе создания каких-то уникальных технологий, должны при ближайшем рассмотрении, что эти технологии, даже если они создадут их, даже если они есть, технологии, которые не приведут конкретных граждан России к процветанию. Речь идет о том, как технологии, с которыми Россия может выйти на мировой рынок и продать их очень успешно и войти в число мировых держав, фактически это не означает, что в результате продажи такой технологии уровень жизни российских граждан повысится. Наоборот, мы прекрасно распродаем огромные ресурсы, а никто из простых людей не видит последние 10 лет повышения своего жизненного уровня так сказать обратно. То же самое можно сделать и распродавая технологии. Реальное технологическое развитие произойдет только тогда, когда внутренний рынок, когда само население этой страны будет иметь возможность, и реальную возможность, потреблять эти технологии, потреблять результаты, которые созданы этими технологиями, и быть заинтересованными, быть восприимчивыми этого технологического прогресса, будет заинтересовано в самом его продолжении. Т. е. если мы посмотрим на Запад, то реальное движение вперед в постиндустриальном аспекте началось в 70-е годы, когда действительно, с одной стороны, уровень жизни населения стал очень высок, с другой стороны, технологические достижения вошли фактически, условно говоря, в каждый дом. В этом отношении только тогда, когда будут достигнуты реальные экономические успехи, скажем, не просто рост ВВП абстрактно на 8% в год, который сосредоточит более менее промышленность, идущую на экспорт, а реальный экономический успех, реальное повышение уровня жизни населения не на 5, не на 10 %, а в несколько раз, только после этого действительно можно говорить о каких-то постиндустриальных тенденциях в российской экономике и о каких-то возможностях вхождения в мировое сообщество на правах равного или одного из передовых членов.

Соответственно в этой связи можно сказать одно, что опыт, который должен быть воспринят Россией — это опыт (опять-таки, я не хочу сказать, что удачный опыт), но это на сегодняшний день опыт тех же стран Юго-Восточной Азии и Японии, которые проделали достаточно успешно догоняющее развитие в последние 25 лет. Догоняющее развитие, которое отмечается в этих странах, нужно иметь в виду, что догонять не значит догнать. Это как бы очень большая разница. Мы не сможем реально, как и не смогла Корея, и не сможет догнать передовые страны по целому ряду обстоятельств. Это отдельный разговор. Но догонять их мы можем. И здесь нужно обратиться к опыту стран Юго-Восточной Азии и проанализировать этот опыт менее идеологизированно, чем это делается сегодня. Почему-то у нас доминирует точка зрения о том, что страны Юго-Восточной Азии это страны, которые бросили открытый вызов западному обществу и достигли безумных успехов, когда там в 80-е годы японские и южнокорейские товары действительно забивали американские на внутреннем американском рынке. В действительности фактически надо иметь более трезвый взгляд на вещи, надо понимать, что Юго-Восточная Азия — это сборочные цеха западных компаний, которые не случились бы там без инвестиций опять-таки западных. Что фондовые рынки этих стран поднимаются на западных инвестициях. Что если мы возьмем динамику развития Кореи, Тайваня, Китая, в конце концов, то мы увидим, что во всех этих странах не было с 56-го года ни одного года, когда бы рост ВВП превосходил темп роста иностранных инвестиций в эту страну. Комментарии излишни. Поэтому речь идет о том, что реальное движение вперед на сегодняшний день в России может быть связано только с реальными не спекуляциями в области ГКО и фондового рынка, а с реальными инвестициями западных компаний, с реальным укоренением их здесь, с появлением рабочих как бы способных и восприимчивых к тому, что нужно работать в белом халате и закручивать гайки умной машинкой, а не забивать их кайлом. В этой связи как бы возникнут и налогоплательщики нормальные, которые будут более восприимчивы к закону, чем наши предприниматели, возникнет и нормальный средний класс, который способен будет работать, в том числе интеллектуальный, и предъявлять реальный спрос на технологические продукты и т. д. Речь идет о том, что на сегодняшний день мы должны более бережно относиться к своему технологическому потенциалу, но реальное, конечно, в нем спасение наше невозможно. Реальная парадигма движения вперед — это реальное движение вперед на западном опыте, на западных инвестициях. Фактически очередной этап такого ученичества, которое было в моде в России много раз, начиная с времен Петра.

В целом идея заключается в том, что глобализация порождена западным миром, она порождена в первую очередь для целей западного мира, а не для всеобщего процветания и каких-то абстрактных моральных ценностей, что эти процессы регулируются опять-таки Западом в том плане, будут ли они идти быстрее или медленнее. И на сегодняшний день наиболее активный этап глобализации кажется мне пройденным, в то время как на сегодняшний день перспектива в ближайшее время это серьезное развитие западом завоеванных позиций, это их наоборот жесткое отделение от остального мира, увеличение разрыва между западным миром и остальным миром и фактически проблемой ближайших 10 лет станет формирование некой группы стран, которые никоим образом не может претендовать на то, чтобы стать лидерами глобализации, но, по крайней мере, занять некую буферную зону между безнадежно отставшими и очевидно ушедшими вперед. Задача России в лучшем случае попасть в эту буферную зону, но никак не в высшую группу.

Н. Михайлов. Как мы условимся? Вначале зададим вопросы, а потом свободное выступление? Принимается?

Поскольку у нас, как и в прошлый раз, идет запись обсуждения, просьба каждому, кто задает вопрос или кто желает выступить, без напоминаний представляться. Пожалуйста, время для вопроса. Сергей Караганов.

С. Караганов. Спасибо. Во-первых, хочу объявить, что один из наших членов Совета генерал Овчинский представил нам доклад, который могут все получить, мы его тоже будем использовать, который называется «21-й век против глобализации преступности».

Оказалось, что за последние 30 лет преступность в мире увеличилась в 4 раза, а международная еще, наверное, больше. Это первое.

Второе. У меня несколько вопросов. Как вы точно сейчас видите развивающийся мир, который безусловно, который безусловно отстает. Где, вы упомянули эту зону серых стран, зону Индонезии, Тайваня, Сингапура и т. д., они-то куда здесь попадают. Вы их четко в буферную зону отнесли. Это первое. Второе. У меня есть вопрос и по тексту и по смыслу. Почему вы считаете, что возможна передышка в глобализации. В принципе, это объективный процесс. Еще вопрос. В принципе, вы рассматриваете экономическую глобализацию в отрыве от всего остального. По-моему, вы уже сами в тезисах выступления несколько изменили свою точку зрения, вернее, точку зрения, заявленную в тезисах. Мне кажется, что корень глобализации не в интронизации экономической жизни, которая является, безусловно, одним из ее движущих сил, а в том, что вы назвали, что Делягин, воспевая совсем уж соловьем, это все же новый уровень информационного взаимопроникновения, изменения характера производства, изменения доли интеллектуального продукта ВВП и все, что уже говорили. И в принципе, я все же ставлю этот вопрос для вас, для обсуждения, мы, конечно, будем все время рассматривать кусочками этот процесс. Надо подходить, что это процесс скорее всего комплексный. Почему вы считаете, что четвертый мир, или третий мир как-то может повлиять, восстать? (Это в тексте было.) Тогда почему вы считаете, что первому миру нужно останавливаться? Потому что, ведь в принципе мы не вводили пока в наше обсуждение вопросы экологии. Да, условно говоря, то, что вы упомянули в своем тексте. При таком-то накате зачем это нужно делать? Почему вы считаете, что в вашем тексте особенно указано, в выступлении это не прозвучало, что очень мало людей уезжает и очень мало капиталов уходит, а наоборот, все стягивается в метрополии новые. Вы говорите, что это порождает глубокие противоречия. Это наверняка плохо для тех стран, которые теряют людей, а для тех стран, которые получают людей, это очень хорошо. А мы ведь должны смотреть объективно с этой точки зрения. Ведь мы являемся одновременно страной, которая теряет людей, и которая их получает. Хотя это конечно относится в меньшей степени к процессу глобализации. А получаем мы гораздо больше, хотя теряем по качеству гораздо лучших людей. И вот здесь нет ли у вас ощущения того, что вы априорно и в тексте, и в меньшей степени в выступлении себя ставите как бы в позицию проигравшего.

И, наконец, последний вопрос. Уверены ли вы, что действительно возможен какой-то новый иной социальный порядок, кроме того, который существует с возможной модификацией. У вас и в тексте, и немножко в выступлении была некая тяга к замечательному новому справедливому миру, который действительно должен прийти, может быть, никогда не придет, а, наоборот, мы скатимся к данным противоречиям, к чему бы то ни было. Я, например, нигде не вижу признаков того, что какие-то значимые действия предпринимаются кем бы то ни было, для того чтобы противодействовать этим негативным процессам, кроме как бы опять же на своей территории. Допустим, в Европе становится природа чище, зато эмиссия нарастает и нарастает, и никто ее, собственно говоря, не останавливает. В богатом мире продовольственная корзина становится все лучше, а рыбу выбивают. И это везде происходит, постоянно. Я смотрел все данные по экологическим лесам, озон, эмиссия, рыба, пять или шесть направлений, там везде ситуация ухудшается, и никакого признака того, что кто-то что-то будет менять, не наблюдается. Выводы ваши мне кажутся блистательными, хотя наверняка очень обидными для всех истинных глобалистов. Спасибо большое. Я тоже потом хочу выступить.

В. Иноземцев. В принципе, действительно, возникло некоторое непонимание того, что я пытался выразить. Я очень благодарен уважаемому г-ну Караганову за такие вопросы. Я с удовольствием на них отвечу. Итак. Главный вопрос, фундаментальный: почему наступает передышка? Я хочу подчеркнуть, что передышка наступает достаточно объективным образом. А именно: еще раз возьмем исходные предпосылки того, что я говорил. Западный мир является лидером в военном процессе глобализации в нынешней его фазе. Он является фактически, скажем так, не лидером, а по сути дела спонсором этого

процесса и, безусловно, не без пользы для себя. Западные страны получили огромные прибыли и в Латинской Америке, и в Азии, и в России. Но так или иначе, на сегодняшний день процессы, которые идут в большинстве периферийных стран, тоже было правильно отмечено, почему я не дополняю политическими моментами экономическую глобализацию. Процессы, идущие в большинстве периферийных стран, реально, на самом деле как бы имеют отрыв от экономической составляющей. Когда, допустим, американцы и западноевропейцы активно инвестировали страны Юго-Восточной Азии, действительно, это была чисто экономическая игра. Но когда Юго-Восточная Азия обратилась к ним за помощью после кризиса 1997—98 года, то мир очень легко увидел, что экономическое доминирование западных стран в Юго-Восточной Азии абсолютно не дает им никаких политических возможностей в этих странах. Если взять последнюю книжку Сороса, я имею в виду не какие-то развалины капитализма двухлетней давности, а так называемое открытое общество, которое выпустило ее три недели тому назад. Эта книга очень интересным образом показывает вопросы политического и экономического соотношения интересов. Речь идет о том, что Сорос, допустим, говорит о том, что в 1997 году, когда Юго-Восточная Азия напрямую обращалась к демократическому по настоящему Западу за помощью, она в то же время принимала в страны АСЕАН Бирму — страну, мягко сказать, с совершенно не укоренившимися там демократическими традициями, несмотря на все противодействия Соединенных Штатов и Европы. То же самое, когда Южная Корея просила международных кредитов для спасения своих компаний, то почему-то она после этого отказывалась продать обанкротившееся «ДЭУ» Форду, а продавала его «Тиндай» и т. д. Речь идет о том, что реальная возможность политического давления западного мира на третьи страны существует гораздо меньшая, чем существует экономических возможностей. Поэтому я хотел сказать следующее, первое, что, безусловно, экономическая и политическая составляющая должны идти вместе. И на сегодняшний день они идут вместе только в рамках Европейского Союза, где присоединение новых стран и есть фактически продажа части суверенитета за материальные блага. Эта модель единственная, на мой взгляд, модель успешной, продвигающейся вперед глобализации. Только тогда, когда западный мир научится, условно говоря, Америка, принимать в свои ряды какой-нибудь Эквадор или Мексику, за полную утрату власти мексиканского правительства и переход на доллары в качестве единой валюты и распространения уголовного кодекса Соединенных Штатов на территорию этой странной страны, то в этой ситуации это действительно будет реальное движение глобализации вперед. На сегодня западный мир к этому не готов, как показывает практика. Не готов он терпеть безумные убытки, связанные с крайним риском развивающихся рынков. Сейчас, когда индексы все в Юго-Восточной Азии показывают точно такую же динамику, как в 1997 году, вряд ли американцы и европейцы очень активно начнут туда инвестировать. На сегодняшний день как бы политическая и экономическая стабильность западных стран дает огромную возможность для приложения капиталов, технологий, интеллектуального капитала в рамках самих этих стран с гораздо большими и более предсказуемыми результатами, чем экспорт этих ресурсов в страны третьего мира. Поэтому в ближайшие годы, я так полагаю, любые инвестиции и экономические проекты в развитых странах будут на порядок выгоднее и безопаснее, чем в развивающихся странах, а капитал, хотя он стремится за высокими процентами, но он не чужд осторожности. И поэтому идея моя о том, что глобализация несколько затормозится, связана с тем, что как бы экономическая власть Запада казалась Западу самому слишком большой в последние годы. И когда им казалось, что огромные инвестиции в Азию и Латинскую Америку дают там право полного господства на этих территориях. Сегодня ясно, что это не так. Эти страны политически свободны и очень даже самостоятельны, гораздо более, чем они самостоятельны экономически. И в этом отношении, на мой взгляд, глобализация не остановится до тех пор, пока как бы западные страны не решат многие свои проблемы, с одной стороны, а с другой стороны, пока третий мир не поймет, что реальный экономический прогресс уже не может покупаться какими-то абстрактными обещаниями, а действительно должен покупаться, если он покупается на Западе, реальной утратой собственных политических возможностей. И в этом отношении очень мало кто готов на это пойти из развивающихся стран и стран периферии. И, на мой

взгляд, поэтому глобализация должна затормозиться только потому, что западные страны должны подойти к процессу более реалистично и должны больше как бы осознавать свои собственные внутренние проблемы, чем проблемы остального мира в отношении... Эффект замыкания будет еще более активным в ближайшие годы. И этот эффект замыкания безусловно затормозит глобализацию, потому что фактически она была такой быстрой, потому что Запад так много выбрасывал из себя ресурсов в страны периферии. Если он будет выбрасывать их меньше, глобализация затормозится автоматически.

Что же касается нового социального порядка, как какого-то удачного социального порядка, я крайне осторожно отношусь к такому утверждению. Если я высказался об этом здесь, то хочу поправиться. Я не считаю ближайшее десятилетие временем очень спокойным. Наоборот, я считаю, это время очень беспокойным, очень противоречивым. Я бы сказал, что вероятность большого международного экономического и политического катаклизма на сегодняшний день, скажем так, гораздо больше вероятности спокойного процветания. Я не оцениваю пропорционально, в каких-то процентах, но то обстоятельство, что катастрофический сценарий кажется мне гораздо более вероятным, чем эволюционный. Такова моя точка зрения. Катастрофический сценарий гораздо более вероятен.

Ю. Рыжов. Мы с вами обсуждаем эти проблемы: глобализационные и, в первую очередь, экономические, мы забываем два фактора. Я не являюсь апологетом хантингтоновского цивилизационного конфликта между разными мирами, но здесь есть действительно какая-то доля правды цивилизационных различий, не говоря об экономических и прочих уровнях развития, и социального и политического развития. И есть еще момент, который Сергей Петрович Капица может подтвердить, демографический фактор, который играет немаловажную роль и будет продолжать играть немаловажную роль в наступающем «Милениуме» или столетии, это неважно. Красивые слова сейчас очень модны. Поэтому когда мы обсуждаем экономические проблемы глобализации, нам не нужно забывать об этих двух факторах цивилизационных и демографических. Извините за то, что я вмешался.

— Продолжаем серию вопросов. У кого еще есть вопросы? Пожалуйста.

В. Рыжков. Я тоже хочу продолжить вопросы Сергея Караганова на уточнение. На прошлой дискуссии мы вспоминали эту прекрасную эпоху после берлинского конгресса семидесятого года прошлого века и говорили о том, что тогда человечество было в очень хорошем настроении. Т. е. ничего не предвещало катастрофу. Европа была безопасна, экономика была глобальна, валютные системы были стабильны, экономики росли. А потом произошла катастрофа. Мой вопрос об угрозах. Вы назвали по сути дела только одну угрозу. Вы не видите внешних угроз для этого золотого миллиарда. Вы говорили о том, что как бы главная проблема это социальная дифференциация нестабильности. Я хочу на уточнение задать несколько вопросов.

Первый вопрос вам, как экономисту, сырьевая проблема. Постоянно что-то возникает там с ценами в Европе, дороги перекрывают. Как вы считаете, т. е. проблема сырья не является острой для западных стран и потенциально может ли она привести к каким-то катаклизмам? Я имею в виду естественно и Персидский залив, и Латинскую Америку, и Нигерию, и Россию в какой-то степени, с ее газом и нефтью. Первый вопрос — это сырье. Является ли это фактором риска, скажем так.

Второй вопрос. Вы сказали о том, что Юго-Восточная Азия это сборочные цеха. Тогда почему такое напряжение вызывает рост Китая? Если Китай это только сборочный цех Запада, то почему такие опасения вызывает рост его экономики в плане будущей глобальной конкуренции. Что это — боязнь политических каких-то осложнений, боязнь, я не знаю, ракетной атаки или все-таки это что-то большее, чем сборочный цех?

Третий вопрос, касающийся России. Вы сказали о том, что самая лучшая стратегия для России — это конкурировать на рынке сборочных цехов, т. е. предложить себя в качестве сборочного цеха, где 100 млн. рабочих научатся умными машинками закручивать

болты. Но ведь есть и другая модель, скажем, модель Кувейта, который живет, качает нефть и продает. Фактически сейчас это и происходит с Россией. Она продает энергоресурсы, и лет на 50 еще может хватить. И достаточно привлечь ресурсы в «нефтянку», в газовую промышленность, и еще лет 50 можно ничего не менять. Как вы оцениваете такой вариант событий, как отдельную модель?

И последнее — политические риски. Известно, что одной из причин великой депрессии в конце 20-х — начале 30-х гг. были в том числе и ошибки правительств, в частности, американского правительства. Как вы считаете, возможны ли какие-то грубые ошибки западных правительств, которые могут привести к катаклизмам, и не является ли это тоже фактором риска? Спасибо.

В. Иноземец. Я постараюсь ответить. Как я понял, все эти вопросы были сосредоточены вокруг двух групп. Первая группа — это политические риски, исходящие от самого Запада, последняя часть вопроса. И вторая группа — это как бы риски, связанные с зависимостью Запада сырьевой, экономической и т. д. от государств периферии. Что касается сырьевой зависимости Запада. Он актуален. Действительно существует зависимость Запада в области сырьевой от стран третьего мира, но не нужно переоценивать степень этой зависимости. Она постоянно снижается и будет снижаться. Вопрос заключается только в том, насколько это будет в полной мере заметно в рыночных экономических, политических индикаторах. Если мы возьмем Соединенные Штаты, то мы увидим, что они создают сегодня приблизительно в 2,5 раза больше ВВП, чем в 1973 году, потребляя при этом энергии больше всего на 21%. Это, конечно, не есть пример полной независимости Соединенных Штатов от прочего мира, но это есть некий момент, свидетельствующий о том, что тенденция существует именно в плане большей независимости.

В свое время я общался, года 1,5 тому назад, в Кембридже в Массачусетсе, с Дениэлом Беллом, который и был собственно основателем постиндустриальной теории. И он задал мне два очень интересных вопроса, на которые я не смог ответить, но ответ на которые как бы подразумевал в его устах именно ответ на этот вопрос. Во-первых, он спросил меня, где в мире находится самое большое как бы единовременное месторождение меди, как источник готового металла. Я предположил, что где-нибудь в Боливии. (Абакан — голос из зала.) На что он сказал, я не уверен, что это абсолютно правильно, но, по крайней мере, это был его ответ — он сказал, что одно из самых больших месторождений меди находится под Нью-Йорком, если вынуть медные кабели и заменить на оптоволоконные. Это, может быть, является достаточной хохмой, но в целом есть разумность в этом. Второй вопрос заключался в том, знаю ли я, во сколько раз сейчас использование солнечной энергии дороже использования тепловой энергии? Я ответил, что никогда этим не занимался, поэтому не знаю. Он сказал, что в 16 раз по современным подсчетам. Но при этом он заметил, что в конце 60-х этот разрыв составлял не в 16 раз, а в 200. Отсюда тоже вытекают определенные последствия относительно возможности энергического давления на Запад.

Второй момент. Вопрос о сборочных цехах. Да, Китай сегодня вызывает большие вопросы в его возрождении, безусловно. Это связано и с его населенностью, и с социологическим (?) положением в Азии. Америка и Европа прекрасно понимают, что по мере развития Китая такими темпами, конечно, пальма первенства в азиатском регионе перейдет от Японии к Китаю. Это опасно. Потому что все-таки Япония более-менее управляемая демократическая страна, а Китай — менее понятная держава. Но помимо всего прочего, когда мы говорим об экономической стороне вопроса, речь идет опять-таки о том, о чем я говорил выше, о социальной напряженности внутри самой Европы и Соединенных Штатов. Потому что если дело пойдет такими же темпами, то дешевые китайские товары, действительно, жестко конкурируют именно с теми товарами в Америке, производство которых и есть условие выживания низших классов. Если сегодня давление Китая, Вьетнама, прочих развивающихся стран на рынке в развитых странах на рынке потребительских товаров будет столь же велико и даже расти, то фактически это возникает конкуренция с теми слоями рабочего класса в развитых странах, которые фактически сейчас и сами не

имеют какой-то серьезной социальной защиты. И это только подогреет социальный конфликт. Мне кажется, это одно из оснований для опасения такого рода вещей.

Что же касается России и модели Кувейта. Это было бы идеально, если бы не два обстоятельства. Во-первых, конечно, мы имеем прецеденты двух стран, которые, безусловно, припеваючи живут на своих ресурсных запасах. Это Кувейт и Бруней. (Норвегия — голос из зала.) В Норвегии существуют и достаточно высокие технологичные производства. Если мы возьмем ту же самую Финляндию, которая тоже имеет огромные запасы леса, электроэнергии и т. д., то при этом та же самая финская «Нокия» сегодня является номером один в мире по производству мобильных телефонов. В Норвегии тоже, наверное, есть такого рода примеры. Но если даже мы берем во внимание страны типа Норвегии, Брунея, Кувейта и т. д., то мы увидим, что объем разведанных запасов или использование по газу, будь то энергия рек или приливы во фиордах, или нефть в недрах — она по отношению к самому примитивному к количеству населения диссонирует очень серьезно с российскими показателями. Т. е. если население Брунея и Норвегии прекрасно можно прокормить такого рода усилиями, то российское население вряд ли. Во-первых. Во-вторых, надо иметь в виду, что допустим более дальновидные страны, которые тоже сидят на нефтяных запасах, и в первую очередь Саудовская Аравия, они ведут несколько иной курс. Потому что Саудовская Аравия — страна, которая в 70—80-е годы просто жирела на нефтедолларах, размещая их в безумные инвестиции в Европе и Штатах, в последние десятилетия она очень активно развивает свою собственную экономику. Например, саудовская компания «Саббик», такой конгломерат, входит сейчас в 100 крупнейших мировых корпораций именно отнюдь не на нефти. Саудовская Аравия уже 8 лет подряд не только самообеспечивает себя, но и из пустыни экспортирует зерно. До чего России еще пока достаточно далеко. Тем самым речь идет о том, что доходы от тех же самых поступлений от экспорта сырья безусловно могут как бы кормить страну и в нынешнем моменте, и в обозримом будущем в случае, если они будут очень эффективно инвестированы. В чем собственно и самая большая проблема в России. Потому что эти доходы действительно гигантские, но они совершенно непонятно в чем материализуются. Вопрос о том, можем ли мы отказаться от постиндустриальной парадигмы, занявшись эффективным использованием поступлений от нашего нефтяного экспорта, имеет положительный ответ. Да, можем, но при этом мы должны именно эффективно использовать их либо здесь, либо в иных странах, но эффективно использовать их так, чтобы это вложение давало успешную отдачу. Чего пока не видно.

В. Аверчев. Тезисы выглядят действительно очень убедительно, но в силу убедительности вызывают некоторую тревогу. Мы помним, чем предыдущий раунд заверченного периода глобализации с паузой кончился первой мировой войной. С этой точки зрения отсюда идут какие-то однозначно пессимистические прогнозы. Я хотел бы спросить и кстати сказать пример. Мы хорошо помним этот пример первого звонка и очень серьезного звонка в Соединенных Штатах — это восстание в Лос-Анджелесе, где произошло столкновение в результате вытеснения черного населения из низших ниш экономических корейцами. Им было просто некуда деваться. Это очень серьезный пример. Я хотел спросить о другом. Оценивали ли вы, есть ли какая-нибудь статистика по поводу двух эффектов, которые могут потенциально смягчить и снять эти напряжения. Я имею в виду, прежде всего, эффект пылесоса, когда этот первый интегрированный мир втягивает в себя лучшую интеллектуально и во всех остальных отношениях часть населения второго и третьего мира, тем самым ослабляя объективную способность вообще к любому сопротивлению, просто по качеству остающегося населения. И второй одновременно происходящий, параллельно идущий процесс развития, то что называется, офшорной глобализации. Так как возникают офшорные зоны, скажем, в Индии, когда индийские программисты разрабатывают для американской корпорации, оставаясь внутри в Индии. Вообще, этот офшорный эффект, который проявляется, скажем, в специальных экономических зонах в той же самой Корее и т. д. Т. е. часть этих стран реально интегрирующихся в эти страны. Кстати сказать, тот же самый, условно говоря, офшорный эффект. Скажем, говорили об угрозе массового импорта

китайских товаров. Но мы же знаем эффект, скажем, во Франции, когда в магазины «Тати» товары поставляются французскими фирмами, которые эксплуатируют в районе Марселя труд нелегальных эмигрантов, очень дешевый, но все это происходит. Это тоже те же самые элементы офшорной, если хотите, экономики, уже возникающей на территории Франции. Это целая огромная зона, промежуточная, между этим первым миром и всем остальным. И она буферная не в смысле государств, она буферная в смысле этих процессов. Я не знаю, насколько они ловятся статистикой.

В.Иноземцев. Во-первых, что касается эффекта пылесоса. Дело в том, что глобализация, которая очень активно проявляется в движении товаров, капиталов, информации, в коммуникационной революции, меньше всего на сегодняшний день прослеживается в области миграционной политики. Если мы увидим объем инвестиций, которые совершаются из первого мира в третий в отношении, допустим, к ВВП первого мира, и объем миграции между этими мирами, то мы увидим, действительно, что тот первый этап глобализации, который имел место в конце 19 — начале 20 века, был гораздо более пропорционален и гармоничен, потому что в то время международные торговые потоки, международные инвестиционные потоки, международные притоки населения были приблизительно сгармонизированы. В то время как сегодня инвестиционные и торговые потоки резко растут, а потоки населения резко снижаются. Что же касается того, что развитый мир как бы высасывает из третьего мира наиболее достойных людей и тем самым снижает способность к сопротивлению, на мой взгляд, не совсем так. Потому что если мы возьмем пример Соединенных Штатов, то увидим, что по состоянию на 1996 г. среди первых 10 стран, которые поставляли США наибольшее количество эмигрантов, не было ни одной страны с уровнем среднедушевого дохода больше 4 тыс. долл. на человека в год. Т. е. речь о том, что эмиграция в США представлена странами, отнюдь не способными даже в тех масштабах, в которых осуществляется эмиграция, подарить стране под названием США особо достойных представителей, имеется в виду достойных в плане информационного этапа хозяйства. В данной ситуации речь идет о том, что скорее всего происходит в формировании тех же самых офшорных зон на территории США, где происходит полулегальная, нелегальная эксплуатация труда этих низкоквалифицированных выходцев из стран третьего мира.

Что касается перетока интеллекта, он не угрожает, на мой взгляд, третьему миру в серьезной степени, и не снижает его потенциал к восстанию, противодействию первому миру. Тем более, что такое противодействие, на мой взгляд, кажется очень малореальным, за исключением каких-то таких чисто теоретических шагов.

Что же касается самих офшорных зон, то я пытаюсь еще раз обратиться к тому моменту, что эти офшорные зоны возможно существуют и реально создают какую-то буферную зону взаимодействия. Все эти зоны не есть порождение, скажем так, стран, которые пытаются догнать глобализацию или вклиниться в этот процесс, или более эффективно участвовать в глобализации. Речь идет о том, что эти офшорные зоны в том же Китае, сама идея свободной экономической зоны в Индии, в Китае, на Тайване заключена в том, чтобы как можно на более льготных условиях привлечь в эту зону тот же западный капитал. Фактически это продукт неких усилий, компромисс в связи с опять-таки движением западного капитала. Эта свободная зона не порождена инвестициями самих китайских, индийских или тайваньских предпринимателей. Речь идет о том, что фактически западный мир в каком-то приемлемом для себя объеме позволяет осуществлять такое производство и импортировать эти товары в сами развитые страны. То же самое касается и производства (?) существует. Я не думаю, что эти моменты могут серьезным образом снизить накал противостояния или каким-то образом решить серьезные проблемы, потому что объем реального движения товаров, который существует, допустим, между азиатскими странами и США и в меньшей степени Европой, он гораздо более существенен, чем объем производства этих отдельных офшорных зон. Я бы хотел отметить, что реального смягчения этих противоречий, если действительно как бы возникнет база для их обострения, не будет.

На чем Азия поднялась после кризиса 1997 года? Она поднялась на резкой девальвации, фактически на том, на чем и Россия, и на увеличении экспорта. По сути дела существует статистика о том, при этом 69% экспорта Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура после этого азиатского кризиса было поглощено одними только Соединенными Штатами. Т. е. фактически в данной ситуации, если объем импорта, поступающего в развитые страны, резко уменьшится, допустим, на треть или в два раза, это будет иметь катастрофические последствия для развивающихся стран, не взирая ни на какие буферные зоны, которые создаются там. Этот процесс будет очень серьезным ударом для развивающихся стран. Поэтому совершенно справедливо, что все аналитики конъюнктуры экономической и фондовые аналитики вполне правильно предсказывают очень резкое падение и экономики, и фондовых индексов в Азии в случае начала серьезной рецессии в Штатах.

— Давайте оптимизируем нашу работу. Просьба, кто хочет задать вопросы, поднять руки. Надо сориентироваться, как много будет вопросов. Тогда завершающий вопрос Сергея Караганова.

С.Караганов. По ходу дискуссии у меня возникло несколько вопросов, которые меня раньше тоже занимали. Я хотел бы узнать ваше мнение. Первое. Вы не упомянули при этом, что за последние 30 лет происходил очень быстро рост мирового ВВП и что несмотря на то, что перераспределяется этот мировой ВВП все более несправедливо или (?) все более неравно. Может быть, как раз он перераспределяется очень справедливо, просто неравно. Все-таки в большинстве регионов мира, кроме нескольких стран и России, в какой-то период происходит умеренный рост потребительной корзины, достаточно быстрый рост объема услуг, которые получает основная масса населения, не видите ли вы в этом, в конце концов, микширующего момента, который снимет противоречия между бедными и более богатыми, тем более, как ни парадоксально, из-за вот этого фантастического рывка производительности труда, который происходил, бедные стали лучше питаться, условно говоря. У большинства бедных есть уже цветной телевизор и, в конечном итоге, как бы жизнь стала немножко более веселей. Это первый вопрос, который может снять вопрос противостояния между бедными и богатыми в международном плане. Я его ставлю как тезис, желая услышать вашу реакцию.

Второй вопрос касается того социального конфликта внутри стран. Он мне кажется интересным. Опять же, ведь бунтуют даже не вымываемые негры сейчас, бунтуют в Сиэтле, в Праге и в других местах и не низшие слои населения, насколько я понимаю, а старый средний класс, который чувствует, что просто пришла эпоха быстрых перемен, быстро меняет свои условия и он соответственно уходит в эти анархические действия. Но, в принципе, он относительно теряет по сравнению с людьми, которые стали получать, условный элемент молодые люди получают миллион долларов в год, а ничего еще не сделал. Тем не менее, он-то свои 30—40 тыс. получает, или 50, хотя и бузит, и вообще имеет возможность достойного продолжения жизни. Поэтому, может быть, вообще надуманный вопрос о конфликте. Другое дело то, что будет происходить с природой, мне до конца неясно. Потому что я за все время первый раз на лыжах собрался покататься, что меня бесит. Я обычно уже катаюсь... (Из зала — Глобализация не дает?) Я участвую в процессах глобализации. (Смех в зале.)

В.Иноземцев. Ответом как бы было «нет» на оба вопроса. Первый вопрос касался проблемы того, что действительно мировой ВВП растет безусловно достаточно высокими темпами, судя по отчетности Мирового банка в этом году, может быть и (?) за последние 15 лет по темпам роста, и поэтому не снимает ли это каким-то образом проблему растворения. Мне кажется, не снимает. Потому что опять-таки рост мирового ВВП — это показатель, скажем так, достаточно абстрактный. Потому что вопрос не только в том, где создается ВВП, но и в том, где оно присваивается. Очень интересная статистика может быть приведена по этому вопросу. Когда мы увидим, допустим, что Индонезия, которая росла темпом 7—8% в год на протяжении последних 20 лет, пришла при этом к состоянию, когда разрыв в среднечеловеческом потреблении среднечеловеческих доходов между ней и США за это же время

увеличился в 2,9 раза. Хотя США росли гораздо меньшими темпами. Абсолютное потребление, да, выросло, тоже не слишком значительно, но выросло. Но гораздо меньшими темпами оно росло, чем рос ВВП. Допустим, если ВВП рос на 8—9% в год, то среднее потребление росло на 2,5—3%. С другой стороны, допустим, если мы посмотрим на Соединенные Штаты, то мы увидим, что в конце 1998 года там возникла уникальная ситуация с экономической точки зрения, когда норма накопления стала отрицательной, а темпы роста в последние два года были очень высокими. В то время как в Японии, допустим, она составляет 30%, а темпы роста равны нулю. Это очень интересное явление, заключающееся в том, что фактически в рамках информационной экономики возможна ситуация, когда чистое потребление, по сути дела духовное потребление, духовное производство с потреблением информационных благ, очень достаточно дорогих, создает большую ценность, чем безумно активное сбережение и вклад в некоторые инвестиции основных фондов, как это было в той же Европе, Японии или Корее. Возникает вопрос, что как бы максимизация потребления в Соединенных Штатах за счет создания эмпирических активов информационных и продажи их на мировом рынке и перетока реального богатства в США и его более активного потребления создает еще большее богатство, в то время как производство стандартных автомобилей в Южной Корее лишь перенапрягает силы нации, а серьезного богатства не добавляет. Это очень интересный феномен информационной эры. И в данной ситуации вопрос заключается в том, что когда мы говорим о росте мирового ВВП, мы должны очень серьезным образом смотреть на регионализацию потребления этого растущего ВВП.

С другой стороны, хотя безусловно уровень жизни населения в большинстве регионов мира, исключая страны тропической Африки, за эти годы вырос абсолютно. Хотя в той же Южной Корее он вырос гораздо менее значительно, чем выросла ее собственная экономика.

Что касается вопроса, связанного с социальным конфликтом. Я хочу сказать, действительно бунтуют в Сиэтле, в Праге другие люди, чем те, которые сидят в каких-то негритянских гетто. Дело в том, что у нас, и возможно в целом, всегда понятие социального конфликта, социального противоречия связывается именно с понятием какого-то бунта. Но в данной ситуации речь не идет о бунте как таковом. Сегодня ситуация очень тихая на поверхности. Когда я говорю о социальном конфликте, я говорю о том, пока, на сегодняшний день, что существует огромная часть общества, которая просто вытеснена из реального информационного хозяйства и фактически бездействует, либо занята на работе, не приносящей ей никакого удовлетворения, и любое нарушение баланса социальной поддержки может серьезным образом изменить ситуацию. На сегодняшний день, я имею в виду, что в разных странах существует огромный слой населения, вытесненного, фактически выпущенного из материального производства. Если мы посмотрим безработицу в Европе, составляющую там 10—11%, то это не значит, что общество не может применить труд этих людей. Это значит, что люди пассивны. Они вполне инертны, это социальная масса огромная, которая обладает большой деструктивной энергией потенциальной, на сегодняшний день ни в чем не реализовавшейся. Наоборот, бунтовщики в Сиэтле, в Праге наиболее безобидные из них. Тот деструктивный заряд, который существует в рамках десятилетиями незанятого населения, размеры которого только растут, — это заряд, который пока еще не вышел наружу и, дай Бог, чтобы он не вышел.

С другой стороны, надо иметь в виду, что именно сделано для того, чтобы все было тихо. Если мы посмотрим на Соединенные Штаты, то мы увидим, что в 1989 г. социальные расходы составляли 169 млрд. долларов, сейчас они составляют 640, в 4 раза больше за 10 лет. Такими темпами не росла ни одна статья бюджета в Соединенных Штатах. Это как бы та маленькая толика богатства, за счет информационной революции извлеченная из остального мира, та кость, которая в результате этого брошена этим так сказать вычлененным из общества слоям. Если сейчас, я еще раз повторяю, наступит экономическая рецессия и общая ситуация в мировой экономике изменится, то как бы и масштабы этой кости тоже уменьшатся. В связи с чем последствия тоже могут быть достаточно мало предсказуемыми. Я хочу сказать, что и внутреннюю социальную проблему, и проблему как

бы сказать бедности и неравномерности развития не следует сбрасывать со счетов, потому что последствия ее... Мы не оцениваем этих проблем, потому что не видим их последствий. Если мы видим только бунты в Праге и считаем, что, слава Богу, чайник засвистел, пар вышел, то это совсем не так. Все может быть гораздо более серьезным.

— Начинаем обмен мнениями по докладу. Первым записался для выступления товарищ Красильщиков. Пожалуйста. Затем Рубанов.

В.Красильщиков, Институт мировой экономики и международных отношений. У меня нет каких-то принципиальных, существенных возражений против того, что изложено в тезисах доклада и против того, что мы услышали в устном докладе. Я бы хотел выделить два удачных, мне кажется, момента, которые содержатся и в тезисах, и в самом докладе, и которые, по-моему, заслуживают того, чтобы их развить дальше.

Первое. Показана связь процессов глобализации с постиндустриализацией. Причем, я думаю, процессы постиндустриализации, процессы становления общества, основанного на знании и информации, первичны, тогда как глобализация, во всяком случае, в ее нынешних формах, вторична. Можно было бы прямо сказать, развивая эту взаимосвязь между постиндустриализацией и глобализацией, что последняя — это результат и форма развития человека, прежде всего, конечно, западного, но теперь также и восточного. Можно обратиться к недавнему опыту экспансии транснациональных корпораций в 50—60-е, да и в 70-е годы. Что лежало в основе этой экспансии? В основе этой экспансии лежало формирование нового среднего класса, куда безусловно входила значительная часть промышленного пролетариата и, соответственно, формирование очень емких рынков дорогостоящей, технически сложной продукции, прежде всего, технически сложных предметов потребления. Пока эти процессы не начались, скажем, в странах Западной Европы в 50-е годы, американские транснациональные корпорации не проявляли никакого интереса к этому региону. То же самое мы наблюдаем, между прочим, и в Восточной, Юго-Восточной Азии. Пока там не начался подъем, пока там не стало расти потребление, транснациональный капитал туда практически не шел.

Второе, что заслуживает всяческих похвал. По существу развенчивается миф о глобализации, как некоем всемирном процессе, охватывающем абсолютно все страны, регионы мира, все нации и народности. Мне уже доводилось однажды на семинаре, где, кстати, Владислав Леонидович делал один из основных докладов, характеризовать концепцию глобализации в ее нынешних формах, выражаясь штампами советской эпохи, как концепцию научно не состоятельную и ошибочную и идеологически вредную. (Оживление в зале.) Мне уже доводилось на прошлом заседании обращать внимание на то, что глобализация сопровождается исключением целых стран и регионов из мировой системы. И сегодня, скажем, Москва и Париж во многом ближе друг к другу, чем, скажем, Москва и какой-нибудь районный центр в Кировской или даже Воронежской области. Это непреложный факт, на эту тему можно долго рассуждать, рассматривая по отдельности экономические, социальные, социокультурные, политические, информационные аспекты этой проблемы. Этот факт достаточно очевиден. Не исключено, что этот процесс исключения целых стран и жирных регионов из процесса мирового развития может привести не столько к прямой войне отсталых стран против развитых стран, не столько к тому, о чем когда-то писали Франц Манон и Мао Цзэдун, мировая деревня окружает мировой город и т. д., сколько к серьезным потрясениям в силу косвенного воздействия деструктивных процессов на бывшей аграрной и теперь уже индустриальной периферии на страны Запада. Достаточно здесь упомянуть проблему преступности, которая не знает никаких границ, проблему распространения наркотиков и прочее, и прочее. Это, по-моему, тенденции не менее серьезные, чем подготовка каких-то террористических акций против богатых стран Запада или разработка планов джихада против неверных европейцев и американцев.

Вместе с тем тезисы и сам доклад вызывают некоторые вопросы, которые, наверное, стоило бы обсудить более детально и над которыми стоило бы подумать. В качестве положительного примера приводится практика Европейского Союза и, в частности,

расширение Европейского Союза. Мне кажется, что это одна из тех благоглупостей, которые, к сожалению, в последнее десятилетие совершает Запад и, в частности, Западная Европа. Расширение Европейского Союза за счет таких стран как Венгрия, а тем более Польша, я уж не говорю про Румынию и Болгарию, приведет лишь к расширению зоны внутренней европейской аграрно-индустриальной периферии, к ослаблению ядра Европейского Союза и в военно-политическом плане вызовет усиление роли Соединенных Штатов. Я вообще лично усматриваю в попытках расширить Европейский Союз проявление козней американского финансового империализма против своих союзников по НАТО.

Мне кажется, что для Европейского Союза было бы лучше так сказать подтянуть тылы, заняться реструктуризацией своей экономики, реструктуризацией...

— Виктор Александрович, я прошу вас очень, если можно. У нас все-таки лейтмотив — это глобализация и Россия. Нам крушить империализм, мне кажется, смысла нет. И если можно, полаконичней, чтобы не получилось, что выступление вырождается в новый доклад.

— ... и только затем уже думать о расширении. Мне кажется, удачно сделан упор на бессмысленность рассуждений о прорыве России в постиндустриальную эпоху. Это утопическая надежда. Она мне чем-то все больше и больше напоминает попытки бразильского авторитарного военно-бюрократического режима конца 60-х—70-х годов совершить рывок за счет чисто технократических решений. Притом что потребление основной массы населения оставалось на крайне низком уровне. До тех пор, пока мы не решим проблему потребления, пусть не всех 100 процентов населения, по крайней мере, процентов 80, ни о каких прорывах России в постиндустриальную эпоху говорить не приходится.

По поводу опыта Юго-Восточной Азии и его возможности применения в России. Мне кажется, что мы упускаем из виду одно важное обстоятельство. Сейчас произошла дифференциация азиатских «тигров», причем не столько по уровню доходов, уровню экономического развития, сколько по алгоритмам развития. Выделилась группа трех стран — это Сингапур, Тайвань, в какой-то степени Малайзия, за счет индийской и китайской общин, которые там проживают, — которые пытаются, на мой взгляд, более или менее удачно встроиться в парадигму постиндустриального развития. Что касается остальных «тигров», то у них картинка довольно мрачная, и поэтому не надо нам их копировать.

И, наконец, последняя проблема, которую я хотел бы не столько решить, сколько поставить, и которая тоже имеет отношение к России. В свое время Джавахарлал Неру сделал упор на развитие элитарного образования в Индии, и примерно 25—30 лет спустя это принесло свои плоды. Можем ли мы совершить такой прорыв в информационную эпоху, который совершила сейчас Индия при всем грузе своих экономических и социальных проблем именно за счет элитарного высокопрофессионального образования. Это проблема, которая требует своего решения, поскольку, к сожалению, с помощью методов социального патернализма, я думаю, мы в обозримом будущем проблему бедности и разрыва в уровнях образования внутри нашего общества не решим. Спасибо.

— Владимир Александрович Рубанов. Следующим после Рубанова выступает Александр Александрович Дынкин.

В.Рубанов. Спасибо. Мне кажется, сегодняшние дискуссии и два доклада, которые были представлены, вскрывают известные мысли Декарта, который говорил «определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины заблуждений». Мне кажется, что термин «глобализация» — это такая самая проблема, где точное определение понятия имеет существенное значение. И то, что было представлено два доклада, и разные точки зрения позволяют увидеть достаточно большой спектр мнений по этому вопросу. И по отношению к термину «глобализация» относиться очень осторожно, потому что термин еще не устоялся, и доклады это продемонстрировали.

Второе, что я хотел бы сказать. Вы знаете, я достаточно давно знаком и со Владиславом Иноземцевым, и с его соратниками. И как-то однажды мы эти темы обсуждали

— глобализация и роль России — и Алексей Иванович Антипов, которому, кстати говоря, посвящена последняя книга Иноземцева и который помогал ему в подготовке этого издания, произнес такую фразу, что, знаете, Владимир Арсентьевич, вы в принципе по многим вещам совершенно одинаково оцениваете реальность, но у вас с Владиславом Леонидовичем разные выводы. Поэтому я как бы соглашаюсь с фактической частью, которая представлена в книгах Иноземцева, в нынешнем докладе, но выводы все-таки, я считаю, для себя сделал более оптимистичные. И когда мы стали говорить о природе, почему выводы оптимистичные, я сказал: «Ты знаешь, Владислав пишет книгу в Париже, а я живу в Москве и никуда отсюда не собираюсь». Поэтому я примерно стою на той точке зрения, на которой академик Алферов: «Все пессимисты уехали, а здесь только оптимисты остаются». Поэтому я здесь не то чтобы стал по фактуре возражать, но хотел бы обратить внимание на те моменты, которые, мне кажется, расширят представление о глобализации и покажут, что все-таки есть проблемы на Западе более глубокие, и есть возможности у нас более широкие, чем нам представляется. Тезисно я бы их назвал.

Во-первых, мы говорим об информационных технологиях как о лидерстве. Но для меня информационные технологии — это предмет моей практической деятельности, и здесь как бы то, что опутывает мир и делает как бы модным и стильным современное поведение. Одновременно где-то возникает другая проблема. Люди становятся очень зависимы от этих информационных систем. Например, это бывает достаточно часто, сломалась электронная почта, все были в шоке. Дело в том, что поломать электронную почту не так и сложно, т. е. сделать другие вещи. Поэтому на самом деле уязвимость западного мира повышается. Другое дело, что эта уязвимость не в тех формах, которые ходят на улицах, бунтуют, а информационная уязвимость настолько велика, что нам это пока не грозит. Я это хочу сказать к тому, что тот сюжет, который развивает Михаил Делягин в своих работах, показывает, что поднапрячься по части уязвимости, то может быть создана новая угроза, которой мало не покажется. Поэтому на этот контекст я хотел бы обратить внимание, что не так уж здесь западный мир может чувствовать себя совершенно неуязвимым.

Второе обстоятельство, на которое хотел бы обратить внимание. Те же самые интеллектуальные ресурсы, которые брошены на Западе, и с помощью мозгов, которые перешли либо используются. Действительно существуют на сегодняшний день там такие процессы, когда по сути дела само материальное производство становится невыгодным, даже в высокотехнологичной сфере. Когда, допустим, так или иная версия программного обеспечения, так или иная как бы идея в информационных технологиях фактически развивается столь быстро, что любое материальное воплощение в компьютере, в процессоре, еще в чем-то уже становится невыгодным, и многие эти компании сейчас находятся в той стадии, когда они не выдерживают этой гонки. Это порождает свои проблемы. Но здесь, если нагрузить, нам как бы терять уже нечего, то та самая идея закрывающихся технологий, которая по сути дела дискредитирует предыдущую версию, это та сфера, что мы можем в нее включиться. Т. е. эти темпы тоже усилить и поучаствовать в этом процессе.

Еще я хотел бы обратить внимание на то, что технологии при всей своей мощи не заменяют целей и смыслов. Сети не заменяют контента, который есть. Программные комплексы не заменяют новых идей, не заменяют решений. Существует еще такая как бы зависимость. В настоящее время производитель ориентируется на потребителя. И такой новой формы как мелкое предприятие — это вещь реальная. Когда производитель ориентируется на потребителя, то сама по себе связь между производителем этих высоких технологий и потребителем становится настолько сложной, что не известно кто, кого, зачем ведет. Я это знаю не умозрительно, а по тем реальным процессам экономической реализации, которые происходят в сфере информационных технологий. Я хотел бы обратить внимание на то, что есть нюансы, которые не позволяют так пессимистически оценивать ситуацию, как она была показана в докладе Вячеслава Леонидовича. Шансы есть.

Н.Михайлов. Спасибо. Прошу прощения. Дорогие друзья, я хочу обратить ваше внимание на два обстоятельства. Обстоятельство первое — уровень шумов явно не

соответствует серьезности проблемы, которую мы обсуждаем. Второе — докладываю, что настал час перерыва. Третье — я предлагаю чуточку изменить порядок записавшихся для выступления. Я попросил Сергея Петровича сразу же после перерыва выступить первым, задать нам тон для обсуждений. И потом я буду просить каждого выступать не более 5 минут. Принимается? Тогда объявляется перерыв ровно на 10 минут.

— Сергей Петрович, вам слово.

С.Капица. Я в рабочем порядке. Спасибо за предоставление мне слова. Я должен поблагодарить Сергея Караганова за то, что он меня сюда пригласил. Это мое первое выступление в вашем собрании, и я, во-первых, с большим интересом прочел те материалы по глобалистике, которые здесь были представлены. Я в основном согласен с постановкой вопроса и теми замечаниями, которые здесь были сделаны. Я не буду повторяться. Я постараюсь сказать то, что могу добавить к этим соображениям. Они основаны на двух вещах. Во-первых, на моих собственных изысканиях в этой области, которые связаны с общей динамикой развития человечества и, в частности, проблемой демографии, о которой здесь вскользь упомянул столь уважаемый мной Юрий Алексеевич Рыжов. И второе, может быть, более конкретное, это то, что я только что вернулся с очень интересной дискуссии по глобализации, которая проходила в Вене, где была собрана группа экспертов, приглашенных Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, для обсуждения именно проблемы глобализации как проблемы, которая стоит сейчас как перед ООН, так и перед человечеством в целом, и которая будет обсуждаться доступными этой организации методами 3—4 декабря будущего года. Эта группа экспертов, в которую входят Жак Делор, Рихард Вайцзекер, принц Хасан, брат покойного короля Иордании, очень известный такой религиозный деятель Ханс Кунг — это пожалуй один из самых крупных современных таких настоящих богословов, Амартия Сен — экономист, который получил Нобелевскую премию в прошлом году, академик Сонг, китаец, который был некое время вице-премьером Китайской Народной Республики, и ряд других деятелей такого масштаба, которые должны представить доклад, я бы сказал, пересекающийся с теми вопросами, которые были поставлены и обсуждаются в данном сообществе.

Весьма схематично я могу сказать следующее, что начисто отвергается эта идея Хантингтона о клэше цивилизаций, говорится наоборот, что есть диалог цивилизаций, есть взаимодействие цивилизаций, и именно в этом свете надо рассматривать будущее развитие, и какие факторы этому мешают. Если есть какая-то материальная цивилизация, которая глобальна, то мы имеем богатство мира в разнообразии культур, которые взаимодействуют между собой и тем самым обеспечивают, с одной стороны, эволюцию человечества, а с другой стороны, ее, если хотите, устойчивость и такое динамическое существование. Сама идея борьбы цивилизаций, с точки зрения практически всех присутствующих на этом собрании, она очень порочна. И привлекать к ней внимание так, как это сделано Хантингтоном, никоим образом не стоит задача этого сообщества, о котором я сказал. Хотя можно найти всякие примеры конфликтов цивилизаций, вовсе не в этом состоит задача анализа современного состояния экономического, я бы сказал, политического, военно-политического развития мира.

Второе, о чем я хотел сказать. Эта группа должна несколько раз собираться так, как она собиралась в Вене. Она должна собраться в марте, в мае и в августе с тем, чтобы представить доклад объемом приблизительно 150—200 страниц, где эти проблемы кратко и достаточно ясно сформулированы. Это нелегко написать такой доклад, и как это получится, я не знаю. Мне всегда вспоминается поговорка о том, что такой доклад можно написать, если в комиссию входит не 18, а 3 человека, причем один тяжело болен, а второй уехал в командировку, а оставшийся член может написать нечто связанное. 18 человек плохо пишут связно, особенно когда это такие выдающиеся люди. Они, как ученые коты, каждый думает про свое. Посмотрим. Кстати, возглавляет эту группу очень ученый, очень интересный дипломат Пикко, который 20 лет был таким очень известным переговорщиком в системе ООН. Сейчас он стал таким независимым политическим экспертом и был приглашен Генеральным секретарем ООН для того, чтобы возглавить этот процесс. По-видимому,

именно поэтому они и поставили во главу такого опытного и действительно образованного и любопытного эксперта. Кстати, он проявил интерес к тем мыслям, которые есть в России по этому поводу. Потому что этот вакуум идей, вакуум непонимания того, что происходит в мире, он универсален. Это далеко не русская проблема. Мир, как мартовская кошка, она бегаёт не только по России в поисках национальной идеи, любой идеи, но и по миру. Я думаю, что возникновение этой комиссии и есть точное отражение этой ситуации.

Кстати, я могу сказать, что такой же критике в известной мере подверглась эта идея состояния молдивер(?). Она далеко не так единодушно принимается, как это хочется некоторым. Но если можно критиковать эти концепции, то гораздо важнее дать какой-то позитивный сигнал в этой области. И вот одним из главных выводов комиссии, пожалуй, было то, что мы должны основывать свою работу не столько на критике существующих воззрений, сколько на попытке создать какой-то положительный ответ на проблемы, которые перед нами всеми стоят. Но это благое намерение, на котором, как известно, можно очень далеко продвинуться. Но это просто отражает те мысли, которые существуют в такой, я бы сказал, верхушке некой интеллектуальной элиты.

Последнее, что мне хотелось сказать, что в этой группе представлены очень хорошо арабские страны. Более того, арабы может быть будут хозяевами, принимать нас в будущем на следующей встрече, или двух следующих встречах. Помимо принца Хасана, это очень известный деятель арабского мира. Туда входит еще очень известный адвокат из Египта, известный человек из Объединенных Арабских Эмиратов, и еще один человек, который не был приглашен. Так что там заметный вклад в эту комиссию, как ни странно, происходит из арабского мира, который сейчас очень озабочен, я бы сказал, своим вкладом или пониманием, или контактом с интеллектуальными проблемами. Достаточно сказать, что принц Хасан месяц тому назад был избран президентом Римского клуба и одновременно он входит в состав и этих экспертов. Недавно я был на заседании совета, который решает проблемы современной этики, там была жена Мубарака, которая является психологом и учителем. Она была специально отправлена на такую международную встречу. И таких сигналов очень много, что арабский мир часто представителями своей интеллигенции, правящей верхушки очень заинтересован в участии в такого рода мировых форумах. (Вопрос из зала.) Это дядя принца, он брат короля покойного... Абомани очень крупный деятель арабского мира, мне так характеризовали его, как наиболее крупную величину. Вот о чем я хотел сказать, что дает основание для такого типа рассуждений.

Второе, что я сам занимался на протяжении последних 10 лет проблемами, которые в конечном итоге привели к анализу глобальных проблем. Связано это было с тем, что по ряду обстоятельств, с Велеховым, с другими, мы занимались проблемой глобальной безопасности, связанной, в первую очередь, с сознанием опасности ядерной войны частной или всеобщей и то, что почти 20 лет тому назад было действительно очень страшной такой перспективой для человечества, как с неумолимостью такой греческой трагедии шло к какой-то страшной ядерной развязке. Сейчас эта опасность, по крайней мере, в том виде, в каком она тогда существовала, отпала. Может быть, она получит какое-то новое развитие, но от такой, во всяком случае, опасности мы ушли. Участие в этой дискуссии, я не буду ее подробно касаться, это уже...

...мне кажется, позволяет, по крайней мере, предложить ориентиры, в которых можно рассматривать глобальную проблематику. Потому что, как говорил известный отец и учитель, если нет человека, нет проблем, если нет человечества, то нет глобальных проблем. Очевидная мысль. Я нарисовал такую картинку, которая является ключевой для такого рассказа. Она очень простая. На ней показано все, что мне нужно будет. Первое. Показана графа развития человечества до нашего момента, когда нас сейчас 6 млрд., на протяжении 2000 лет до рождества Христова и 2000 лет после рождества Христова и с известным оптимизмом на 1000 лет вперед. Почему смотреть вперед, если я смотрю на 4000 лет назад? Так шло развитие человечества более-менее плавно, а потом оно, достигнув приблизительно 1 млрд. чел. в начале 19 века, взорвалось, и мы сейчас проходим 6 млрд. рубеж и выходим на постоянное население мира в 12 млрд. Этот результат сейчас получен

практически всеми демографами мира. Не буду входить в детали обоснования этого прогноза, он достаточно ясен. Этот весь переходный период от взрыва, который начался в середине 20 века и закончится в середине 21 века, это мгновение, т. е. меньше 100 лет. А я говорю здесь об истории человечества протяженностью не 2000 лет или 4000 лет, а десятки тысяч лет. Этот мгновенный выброс населения роста человечества — это есть самое значительное изменение в истории человечества за всю его историю, по сравнению только, может быть, с появлением самого человека, но это было очень давно. Все остальное — неолитическая революция, чума, война и мир — все, что хотите, ничтожно с масштабами этого взрыва, который занимает ничтожный промежуток времени в масштабах истории человечества, меньше 100 лет, и он приводит к тому, что у вас выходит население мира на стабилизацию.

Кстати, многие страны, в т. ч. Россия, Америка, Европа, все так называемые развитые страны, сейчас имеют стабилизированное на(?). Некоторые немножко убывают, некоторые медленно растут. Я говорю о картине мира. Сейчас все развитие человечества происходит за счет развитых стран. Есть миллиард стран уже стабилизовавшихся. К ним прибавится 10—11 млрд. стран в ближайшие 50 лет, которые будут опять стабилизированы. Не задумываясь об этом этапе, нельзя ничего говорить о том, что произойдет в ближайшее время и что происходит сейчас. Потому что сейчас мы находимся в самом пекле. Эта точка 6 млрд. есть середина этого перехода. Поэтому она и удваивается, а до этого 3 млрд. было в 60-м году нашего века. Такие темпы развития человечества. И без учета этих вещей ничего нельзя понять.

Второе, на что мне хотелось обратить внимание, что иллюстрирует это утверждение, это ход исторического времени. Вы упомянули Броделя. Бродель принадлежит французской новой исторической школе, школе анналов. Они ввели очень важное понятие, идущее еще от Бергсона, что историческое и астрономическое время существенно разные. Здесь это проявляется в полной мере. Посмотрите на эту картину. Древний мир, если так сказать хрестоматийную (?) взять, Фоменко забросим, это грубо говоря 2000 лет до рождества Христова, до падения Рима 500 лет. 2,5—3 тыс. лет древний мир, потом 1000 лет средневековье с 500 года до 1500 года. Не будем торговаться. Причем это универсальные цифры, они годятся для Запада и для Востока, для Европы, Китая, Индии в равной мере. Потом у вас 1000 лет, это в три раза меньше, чем то, что было до этого. Потом новая история — 1500 год и грубо говоря начало 19 века. 300—350 лет, опять исторический этап сокращается в три раза. Потом то, что историки называют новейшая история — с середины 19 века до середины 20 века. Еще сокращение в три раза. И сейчас мы упираемся в то, что прежнее сокращение темпов развития человечества больше не может происходить. Оно ограничено временем жизни человека. 1000 лет и 3000 лет — это бесконечно долго, там масса поколений жили. А сейчас мы попадаем в эпоху, и именно это есть причина этого демографического взрыва и демографического перехода к социональному (?) настроению, что у вас происходит такое сжатие за пределы исторического времени. И поэтому все, что сейчас происходит, так стремительно. И эти процессы глобализации, распада общества, распада Советского Союза, распада Британских и других империй многие серьезные историки рассматривают как результат того, что у вас история происходит так быстро, что мир не успевает к ней адаптироваться.

Физики, Юрий Алексеевич здесь был бы, он вам объяснил это еще лучше меня. Есть явление «ударная волна». В ничтожно короткий промежуток времени меняется там давление в несколько раз, ударная волна все разрушает. Взрывается гигантская атомная бомба, самая большая в мире. От нее бежит ударная волна, толщина которой составляет приблизительно 1 миллионную долю сантиметра. За это время все происходит. Так же и здесь. У вас мгновенно в историческом масштабе происходит перемена развития человечества. Без учета этого обстоятельства понять многое из того, что сейчас происходит, просто невозможно.

Второе, о чем мне хотелось бы сказать, что является фактором развития человечества. Если развивать эти точки зрения, о которых я вам говорил, анализировать ход

этих кривых, то вы приходите к выводу, что скорость роста человечества пропорциональна не самому числу людей, как при экспоненте, а пропорционально квадрату числа людей. Это чуть более сложная формула, но она приводит к бесконечному выбросу и соответствующему так называемому режиму с обострением, взрывному режиму, который сейчас очень хорошо изучен. Это коллективный эффект, связанный взаимодействием всего человечества. Иными словами, мир всегда будет глобализован, только его глобализация сегодня из-за вот этого сжатия исторического времени дошла до своего логического, если хотите, предела. Она всегда была глобализована, причем надо смотреть по крупному. Возьмите, например, индоевропейские языки, указывает на их общее происхождение. Они зародились, может быть, 10—20 тыс. лет тому назад, если верить антропологам. Мировые религии. А такие явления как шаманизм, как всевозможные другие представления. Они распространялись по всему миру с удивительной синхронностью. Историки показали, кстати, что эту периодизацию можно продлить в прошлое, она в мировом масштабе определяла глобальное поведение человека. Все остальное была мелькая рябь на фоне того, что происходит. Это очень важный вывод, который находит свое подтверждение, в частности, в учениях крупных историков Бродель, Конрад в России очень много интересовался этим делом. Его знаменитая книга «Запад и Восток». Недавно вышла книга петербургского историка Дьяконова «Пути истории». Эти вопросы рассмотрены уже очень квалифицированными историками, просуммировавшими и излагающими такой материал на большой основе. Поэтому сегодня, например, рассматривать текущие события без учета этой исторического финала глобализации нашей истории невозможно. Мир всегда был глобализован, но мы никогда не чувствовали этой глобализации так, как сегодня. Как в той истории, когда человек с наивностью узнал, что он говорит прозой, так же и мы.

Мы жили всегда в глобальном мире, но только сейчас это, наконец, поняли, когда это ударило нам по мозгам, грубо говоря. Основное противоречие здесь состоит в том, что, в частности, и информационное общество. Дело в том, что такой закон развития человечества, который здесь рассматривается, является следствием информационного развития человека и человечества. Человек является информационным животным, грубо говоря. Мы размножаемся, как говорится, таким же образом как кошки, мышки, поросята и все остальные животные. Но у нас есть информационная составляющая, этим мы отличаемся. Кстати, людей в 100 тыс. раз больше, чем тварей подобного размера. Если бы мы были животными, обезьянами, кем-то еще, нас было бы 100 тысяч. А нас в 100 тыс. раз больше. Не экспонента, это хуже гораздо. Тем более сильный закон. И это есть результат информационного развития. И сегодняшней кризис, по-видимому, есть кризис не информационного общества, это кризис, что мы не успеваем поспевать за этой информацией. Поэтому мы бегаем за этой информацией любыми доступными средствами. Раньше информацию можно было писать на скалах, и ее бы читали, она действовала. Сегодня нам не хватает Интернета, который есть, кстати, глобальная система. И мне хотелось, чтобы люди как-то думали об этих вещах, когда они думают о текущих событиях. Иначе мы очень сильно ограничим себя в видении и в анализе, и в предвидении этого дела.

Можно рассуждать об устойчивости этого развития. Это отдельная тема, не буду о ней говорить. Кстати, крушение первой мировой войны несомненно было связано с демографическими факторами устойчивости этого дела. Об этом очень много писал Кейнс и другие аналитики кризиса, предшествовавшего первой мировой войне. И первой, и второй — это одно историческое событие. И сегодня, кстати, темпы развития стран Юго-Восточной Азии и Китая внушают мне и многим аналитикам самые серьезные опасения. Китай может взорваться, причем не от чьей-то воли, а от неравномерности своего развития. Кстати, об этом я говорил с китайцем, который был здесь. Был в Вене, и он подтверждал эту идею. Для них сохранение Китая — это первостепенная задача. Они решают ее, обращаясь к прежним политическим механизмам, которые там существовали при экономическом развитии. Вы знаете это противоречие, которое там есть. И поэтому говорить, что Теаньмынь (?) есть нарушение демократии — это абсолютная чепуха. Это была абсолютно четко, жестко понятая необходимость сохранения. Потому что если бы Китай распался, положим, подобно

Югославии, жертвы исчислялись бы сотнями миллионов людей, если не больше, и, может быть, десятками лет развития. Это то, о чем сейчас, мне кажется, надо задуматься тогда, когда вы анализируете глобальные события, этот необыкновенный темп развития человечества.

И последнее. Я сказал об информационном деле. Человек является информационным животным. В чем это сказывается? Сказывается в компьютерах. Вы знаете, что в сегодняшнем компьютерном мире в 20 раз больше средств, в первую очередь благодаря Биллу Гейтсу, идет на программное обеспечение, чем на железки. 20 лет тому назад на железки и программное обеспечение шло одинаковое число. Сейчас это соотношение изменилось коренным образом. То же самое и с человеком. Я уже говорил, что мы мало чем отличаемся биологически от животных, которые нас окружают, но эти животные готовы плодиться через два-три года, а hardware человека можно создать, грубо говоря, за 9 месяцев, а software запрограммировать нужно по крайней мере 20 лет. Вот вам это соотношение, чем мы отличаемся от животных. А сегодня у нас нет этого времени, потому что время изменений в человечестве меньше этого характерного времени человека. В это мы и уперлись. Это достаточно общий, но принципиальный взгляд на это дело. Если бы мы развивались по прежнему сценарию, нас было бы не 6 млрд., а 8, и мы бы удваивались не за 40 лет, как сейчас, а за 20 лет. А это даже в Африке не умеют. Это те противоречия, о которых мне хотелось вам сказать, которые вытекают из такого глобального анализа развития человечества, и которые, мне кажется, надо в той или иной степени учитывать при изучении, анализе глобального развития. Это необыкновенно острый период, через который мы проходим.

Есть такая книга, может некоторые ее читали, я небольшой поклонник Фукуямы, но последняя его книга называется «The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order.» («Большое расстройство») где он перечисляет, не указывая на источники этого большого разлада в обществе, начиная от преступности, кончая судьбами личности, всеми теми симптомами разлада по большому и малому, которые сейчас есть: разрушение институтов семьи и других явлений. Он универсален сейчас, происходят во всех странах. Они происходят и в России. У вас не хватает времени на развитие всех основных институтов общества.

То же самое, кстати, происходит и в религии. Мы это обсуждали с соответствующими деятелями. Либо начинает развиваться фундаментализм, чтобы как-то закрепиться, либо появляются бесконечные секты самого безобразного свойства. Это указывает на распад, я бы сказал, общественного сознания, который не успевает поспевать за темпами материального развития. Это, пожалуй, тот контекст, в котором надо рассматривать и судьбу России, и судьбу того, каким будет развитие в будущем.

Говорят о постиндустриальном обществе. Да, оно будет, потому что индустриальное развитие существенно опередило, если хотите, информационное развитие. Причем мы информацию понимаем обобщенно: это образование, это разум человеческий, сознание, общественное сознание. По-видимому, сейчас и для нашей страны основной вызов заключается именно в этом. Сможем ли мы осознать этот вызов, сможем ли действительно, имея колоссальный задел в виде нашей системы науки и образования, которые показали свою состоятельность по сравнению с любой другой наукой и образованием, сохранить ее для того, чтобы обеспечить себе разумное будущее. С моей точки зрения, это есть тот вывод, который возникает из развитой концепции. Мне хотелось, пользуясь потенциалом вашего сообщества, ваших людей, как-то обсудить эти проблемы и как-то о них сказать.

Сейчас все эти точки зрения, с одной стороны, я как-то обсуждаю в международном масштабе, с другой, они опубликованы в книге, которая сейчас вышла в России в двух изданиях. Есть еще издание Академии наук. Сейчас вышла большая статья в «Вопросах экономики». Они к юбилею, к 2000-летию готовят такую итоговую статью в 12 номере «Вопросов экономики», где целый ряд статей Сороса, Абалкина, Карная и моя, которые обсуждают эти общие проблемы уже связанные с экономикой. Потому что эта связь

экономического и информационного развития это то, что здесь следует как-то делать. Здесь открывается целый ряд интересных возможностей.

Мне хотелось напомнить то, что непосредственно связано с материалами этого доклада, этих тезисов. Они конкретны, связаны уже с тем, что эти общие положения нужно насытить каким-то конкретным материалом, конкретными цифрами. Мне показалось, что трудно разобраться в будущем, если мы не будем думать о таких вещах. Вы помните анекдот, как звери собрались строить мост через реку. Пришел осел и сказал: «Да, нужно, конечно, строить мост, но как — вдоль или поперек реки?». Я, может быть, нахожусь в положении этого персонажа. Мне кажется, нужно понять, через какую реку времени мы сейчас строим мост. Потому что мы вступаем, причем, все страны по-разному вступают, но с удивительной дружностью, в новый мир такого стабилизированного развития, которое имеет самые разнообразные последствия и в области военной политики, и в области экономики, образования, страхования, ценностей человека и т. д. Спасибо.

Н. Михайлов. Сергей Петрович, спасибо вам. Если можно, давайте сначала выступим, а потом зададим вопросы, если время останется. Александр Александрович Дынкин.

А. Дынкин. Спасибо, Николай Михайлович. Довольно грустно обсуждать доклад в отсутствие докладчика, но, тем не менее, мы этим занимаемся. (А мы все фиксируем.) Мне, в принципе, понравились эти тезисы и, прежде всего, тем, что многие ученые, эксперты склонны говорить о том, что глобализация больше чем жизнь, а наш сегодня основной автор придерживается здесь такого спокойного и сбалансированного взгляда. Почему я попросил слова? Мне бы хотелось в отсутствие автора оспорить один его тезис. Он говорит о том, что как бы развитый мир закрывается, замыкается. И вот этот вопрос, является ли развитый мир открытым или закрытым клубом, на мой взгляд, заслуживает более пристального внимания чем то, которое было ему сегодня уделено.

Вопрос заключается в том, создает ли глобализация больше угроз для развития, чем возможностей. Тут, мне кажется, есть поле для дискуссии. Если мы признаем, что новая экономика развивается по законам информатики, то ценность информационных сетей возрастает с количеством участников. И в силу этого, если мы с этим согласны, мне кажется, что развитая часть мира заинтересована в возможно большем числе участников. Но, конечно, это участие должно происходить на определенных условиях. Развитый мир сегодня выработал определенное количество институтов, инструментов, правил, регламентов, которые проверены временем. Если взять законодательство Европейского Союза — это несколько полков. Развитый мир демонстрирует, что если институты общества, инструменты, регламенты страны каким-то образом соответствуют или движутся в этом направлении, то эта страна может участвовать в клубе развитых. Если посмотреть сегодня на поляков, которые занимаются тем, что кладут трубопроводы по стандартам ЕС, асфальтируют улицы по стандартам ЕС, то это, на мой взгляд, аргумент в пользу этого.

Пользуясь аналогией предыдущего оратора, я хочу сказать, что в современном мире очень сильно возрастает софтвер государства. А software государства — это институты, законодательство по отношению к hardware государства, т. е. с чем мы всегда имели дело, т. е. вооруженные силы и т. д. Дальше, мне кажется, что сегодня целый ряд стран, и мы, наверное, лет через 10 перестанем говорить о развивающихся странах, как о некой общности. Целый ряд стран сегодня рванулись в погоню. Такие страны, как Объединенные Арабские Эмираты, Уругвай, Аргентина, Турция, Чили, Таиланд, их много, примерно 25 стран, которые демонстрируют сегодня потрясающие темпы роста и, очевидно, они развиваются в русле институтов как бы развитой части мира. Чего нельзя сказать, скажем, о Сирии, где до сих пор при въезде в страну надо сдать мобильный телефон и пейджер на паспортном контроле, потом их забрать, если удастся, на выезде. Здесь я не вижу больших перспектив.

Если говорить о Китае, ведь он совершенно не боится глобализации ни на уровне доктринальных положений, ни на уровне экспертов. Они наоборот считают, что это некая

панацея для Китая — включение в глобализацию. Они совершенно к этому открыты и очень оптимистично к этому относятся.

Теперь о России. Действительно мы не можем одновременно глобализироваться. И здесь надо говорить о том, что в России необходимо создавать окна глобализации, какие-то ячейки глобализации, как это делает Индия, Ирландия и ряд других стран. Об этом надо думать. И одновременно, конечно, туда все не встроится. Спасибо.

М. Масарский. Я тоже в отсутствие докладчика хочу не оспорить, а дополнить его тезис насчет только двух примеров успешной глобализации. Это создание национальных государств, как форм общности экономической, политической и, возможно, идейной. И интернационализация связи между ними, а третьего быть не должно, говорит он. По Гегелю третье должно быть: тезис, антитезис, синтез. Тем не менее, я могу привести еще несколько исторических примеров глобализации, которые должны быть в поле нашего внимания. Например, примерно 1 млн. лет тому назад началось беспрецедентное распространение по поверхности земного шара высших гоминид. Это беспрецедентно. Ни одно высшее существо, высшее животное, не распространяется от Северного до Южного полюса, не живет там. Как сказал один из выступающих, профессор Капица, нас накопилось сейчас в 100 раз больше, чем животных такого же размера. Это тоже результат совершенно не биологических процессов. Примерно 40 тыс. лет назад началась тоже взрывная сапиентация этих самых гоминид. Причем взрывная сапиентация гоминид осуществлялась с помощью не орудийной деятельности. Орудийная деятельность высокого развития достигла у неандертальцев. Кстати говоря, археологи сравнивают орудия труда неандертальцев и ранних хомо сапиенс не в пользу хомо сапиенс. Не в этом было преимущество хомо сапиенс.

По мнению Делягина, как указано в тезисах, сейчас изменение сознания является производительным фактором эволюции, социальной, в частности, эволюции, изменение сознания. Так вот, речь возникла как фактор эволюции, и она сделала человека человеком, а не орудийная деятельность. Ибо изменение сознания с помощью суггестии, контрсуггестии, контр-контрсуггестии — это я цитирую книгу Поршнева о начале человеческой истории, написанной 30 лет тому назад, к сожалению, до сих пор не переизданная. Это гениальная совершенно книга, она совершила переворот, например, в моем сознании дарвинистском и марксистском. Наконец, 12 или 14 тыс. лет назад неолитическая революция. Она сменила присваивающее хозяйство хозяйством производящим. И, наконец, 6-й век до н. э. — 3-й век н. э. тоже взрывная по историческим меркам, по школе анналов, это действительно так, сокращение исторического времени — это эллинизация, романизация Ойкумены.

Здесь упоминался Конрад. Он сопоставлял развитие ханьской империи одновременно с римской империей. Он говорил, что одни и те же алгоритмы. И крах примерно в одно и то же время — 3-й век н. э. Период наступления варварства. И вот первая угроза глобализации — варварство. Что такое варварство в общецивилизационном смысле, т. е. в смысле Тойнби? Он говорит, что цивилизации угрожает всегда внутренний и внешний пролетариат. Внешний пролетариат — это варварство. А что такое варварство? Это не значит, что это просто недочеловеки. Нет. Это инволюционный скачок. Это возврат к той неолитической революции, опять к хозяйству присваивающему, только объектом присвоения является уже произведенное другими людьми. Готы варваризировались северные, причем это было государство рядом со слабой в военном отношении Византией. Т. е. они не могли так быстро маневрировать военными ресурсами, и готы стали их просто грабить и варваризировались. Варваризировались очень многие. Кельтам не удалось то, что удалось, например, германцам. Не то что кельты слабее или лучше, цивилизованнее, просто сильнее тогда была римская империя. Итак, варваризация и угроза ее извне и изнутри тоже идет. Это, кстати, одна из угроз современных варваров. То, что происходит в Ницце сейчас. Ликуют коммунисты.

Я недавно был на одном собрании в клубе «Свободное слово» в Институте философии, там были представители этой идеологии. Они говорили, что смотрите, какой

вызов глобализации по американскому рецепту бросают... А кто бросает, кто они такие? Здесь сказано — это старый средний класс. Да, возможно. Но я всматривался в лица этого старого среднего класса и видел-то лица маргинальные. Это люди, которые жгли автомобили, били стекла, громили. Они из города в город переезжают, одни и те же люди. Это люди неконкурентоспособные. Это люди, которые вызовы не принимают.

Когда, кстати говоря, возникают эти импульсы глобализации? Когда плохо, когда что-то лихорадит. Например, экологический удар по Аттике вызвал к жизни и межостровную, потом межматериковую торговлю и интенсивное хозяйство частнособственнической демократии. Это произошло в 8—6 в. до н. э. Не будь экологического кризиса, и не было бы вот этих достижений человечества, как частная собственность, демократия и торговля межостровная, а затем и мировая. Хотя говорят, что торговля древнее. Она древнее государства.

И вот какие факторы еще угрожают, какие силы угрожают глобализации? Те же самые, что и для инновации. Четыре составляющих инновационных процессов: наука, образование, технология и рынок. Но только рынок в понимании Фридриха Хайека. Он говорил, что рынок это более эффективный способ соединения рассеянных ресурсов, надо их предварительно рассеять, и рассеянной информации. Очень много точек соприкосновения. И неожиданные результаты получаются от этого статистического процесса неожиданных сочетаний.

В этом плане каковы перспективы России. В докладе Иноземцева прозвучала следующая цифра. Она меня поражает. Я доверяю его эрудиции и принимаю не критично даже, что в ближайшие 15 лет, в 2015 году, потребность развитых стран в природных ресурсах сократится в 10 раз. Т. е. с 300 кг на 100 долларов ВВП до 31 кг на те же самые 100 долларов. Следовательно, соответственно снизится потребность в природных ресурсах таких, которыми гордится Россия. По подсчетам академика Львова, у нас разведанных ресурсов на 35 трлн. долларов. Я не оспариваю подсчеты академика Львова, но сомневаюсь в рыночной востребованности этих ресурсов. Ибо ресурс в динамике капитал, а в статике — это не капитал. Эти полезные ископаемые надо еще извлечь, ископать, еще и вложить. (В недрах он не капитал.) Естественно. В недрах — не капитал.

Пример такой. Был такой Российский банк реконструкции и развития, вы знаете? Я входил в Совет директоров. И вот неожиданно глава нашего правления зачислил в уставный капитал ресурсы Амурской области. Естественно, Центральный банк не утвердил нам этот баланс. Ничего себе, ресурсы, причем мы баланс своего банка так раздули, слава Богу, что ЦБ не утвердил нам такого баланса. То же самое пытаемся мы мировую экономику убедить, что у нас в банке 35 трлн. долларов. Значит, у нас их нет, а что у нас есть?

В плане анализа этих четырех составляющих инновационного процесса в науке. В международной программе «Геномы человека» участвовала Россия? Да, участвовала, и, причем, участвовала непропорционально нашему финансовому могуществу, на крохах, на последних крохах, но участвовала. В фундаментальных исследованиях разве наш вклад соизмерим с нашим весом экономическим? Наш экономический вес незначительный, а вклад фундаментальный в науку неизмеримо больше.

Здесь нам все время приводят примеры количественного соотношения по капиталу. Да, действительно, капитал наш просто ничтожный. Капитализация, на прошлом заседании я упомянул эту цифру, 40 млрд. долларов рыночная капитализация буквально всех наших корпораций. 150 млн. долларов еще недавно, Сергей Ефимович не даст соврать, уставной капитал всех коммерческих банков, конечно, за исключением Сбербанка, Внешторгбанка и Росзагранбанка. А 18,6 млрд. долларов уставной капитал только одного японского «Бенк оф Токио Мицубиси». Соизмеримо? Все-таки эти самые банки выполняют системную функцию большую, инфраструктурную функцию в финансовом отношении для российской экономики сравнительно с «Бенк оф Токио». Несоизмеримо с основным капиталом, с меньшими ресурсами. Чисто количественные подходы здесь не играют.

И, наконец, по последнему показателю: деривативный капитал. По подсчетам доктора Татьяны Корягиной, она, конечно, идеологизировала все это, у нас оборот деривативного капитала в мире сейчас, дневной оборот, на два порядка составляет дневной оборот валютный, а валютный оборот на два порядка превышает оборот товарный. Это понятно. Скорость оборачиваемости деривативного капитала, т. е. производная от ценных бумаг, фондовых ценных бумаг, в 100 раз больше, быстрее оборот, чем валютный оборот. А валютный больше, чем товарный. Это тоже понятно. Валютные фьючерсы. На одной московской бирже оборачивалось в день 150, только вдумайтесь, 150 млн. долларов в день. Но разве наш товарный оборот на той же самой МТВ составлял 150 млн. долларов? Ликвидность и устойчивость этого рынка была незначительная. Стоило рухнуть двум банкам — Лефортовскому и Мытищинскому, где мы держали расчетную палату, все свои расчеты фирм расчетной палаты, и стоило ЦБ ввести валютный коридор — все рухнуло. Т. е. ликвидность невысокая, устойчивость невысокая. А может быть, это благо? Т. е. не может быть, я в глубине убежден, что только очень сложная система не устойчива.

Г-н Рубанов сказал, на мой взгляд, очень точную и глубокую вещь, что западный мир, усложняясь, виртуализируя свою экономику, становится очень и очень неустойчивым. Смотрите, доллар — разве так уж обеспечен своим национальным доходом? Будучи резервной валютой для всех банков, почти для всех банков, евро сейчас теснит его, но все-таки и у нас резервной валютой является доллар. Рухнет доллар в одночасье. Сейчас возвращаются доллары из-за границы в Америку, из-за кризисов на фондовых рынках они потекли, из-за неустойчивости положения в той же Мексике, в развивающихся странах, в России он ринулся опять в Америку. А что такое доллар? Это расписка, обеспеченная государством. А они не могут его обеспечить реальным товарным производством. Следовательно, неустойчивость западного мира объясняется самой сложностью. Я могу напомнить известный с вузовских времен каждому общий закон общей теории физтеха: чем сложнее система, тем меньше количество системных элементов может повлиять на устойчивость системы критическим образом. Следовательно, наша примитивность, неразвитость фондовых, например, тех же операций, делают нас нечувствительными к потрясениям на фондовой бирже. Да, у нас может упасть ликвидность нашего фондового рынка. Ликвидность, говорят, голубых фишек снижается. А население что, заметило, что, мечется, как овцы перед закланием, от того, что упала стоимость, капитализация РАО ЕЭС? Недавно тут привели цифры, что, оказывается, она упала за один день обсуждения чубайсовских реформ на 0,5 млрд. долларов. За один день! Но тревожатся один Чубайс, наверное, и члены его правления. А население и не заметило. Ларионов тревожился и приглашал к тревогам и самого Чубайса.

Когда Сорос недавно приезжал к нам и выступал в Третьяковской галерее, у него были оппоненты Максим Соколов и я, он говорил об открытом обществе и врагах открытого общества. Он создал институт от этого общества и филиал в России. Он Карла Поппера, естественно, цитировал обильно. Он говорил, когда я покупал «Связьинвест», его капитализация составлял 2,5 млрд. А теперь это в 4 раза меньше. Так что же, мне продали кота в мешке, неликвидную компанию? Да нет, просто изменилась ситуация. Это все ведь конвенционально. Договорились, что это будет стоить столько-то. Договорились. А по поводу зерна, по поводу того, что удовлетворят первичные витальные потребности так и не договорились. Существуют примерно одинаковые у всех потребности в хлебе, молоке, в других первичных ресурсах. В этом тоже у нас есть некое преимущество. Мы можем, конечно, не надо догонять мир, но на витке определенном можно вскочить в последний вагон уходящего поезда. В чем? В интеллектуальной составляющей.

Я согласен не с идеологической составляющей доклада Глазьева, который он делал как основной доклад Коммунистической партии. Он говорил: нам нужно сейчас срочно конвертировать природную ренту в ренту интеллектуальную, пока не поздно. Пока востребованы еще эти природные ресурсы. Пока покупают у нас, давайте вкладывать в то, что дает отдачу 1 к 10: в образование, в науку, в т. ч. не прикладную. В прикладную всегда найдутся кому вложить. В фундаментальную. А вот это должно делать государство. В

фундаментальную науку, в образование, в технологии. И это будет востребовано. Через некоторое время не будут, действительно, внедряя в энергоресурсы сберегающие технологии — это началось давно и очень успешно — не будет так зависеть и Европа даже от нашего газа. И напрасно мы думаем, что только в этом качестве мы мир интересуем. Конечно, нас там никто не ждет, но у нас интеллигенция, как говорил Достоевский, всегда отличалась всемирной взрывчатостью. Это не означает, что она реагировала на все, что происходит в мире. Она была равна. В просвещении светом наравне был не один Пушкин. И все-таки, наверное, не единственным европейцем в России было правительство (?), по тому же Пушкину. Пушкин здесь ради красивой формулы. Не было одного европейца. Хотя бы два европейца было плюс Пушкин.

Я хотел бы свое выступление закончить на оптимистической ноте.

— Спасибо. Короткая ремарка Юрия Алексеевича.

Ю.Рыжов. Да, очень короткая. При всем оптимизме г-на Масарского, я, как человек, который вроде был последние несколько десятилетий связан с военно-промышленным комплексом, в котором и могли родиться высокие ноу-хау, должен сказать, что мое отношение к этому не столь оптимистично. Я могу сказать, что то, что изобретается или создается в фундаментальной прикладной области в нашей с вами стране, реализуется только тогда, в лучшем случае, когда это реализуется или у потенциального противника, или вообще на Западе. Эта история не имеет протяженность десятилетий моей работы в этой сфере, имеет протяженность вековую. Я могу назвать несколько мартирологических, так сказать, точек, когда это не реализовывалось. Я пропущу воздухоплавание, братьев Монгольфье, но я могу сказать точно, что паровая машина была создана одновременно и здесь, и там, но мы купили ее на Западе. Радио, которое сделал Попов, реализовал Маркони. Генетику, кибернетику, строчное телевидение — все это могло быть реализовано у нас, но никогда не было реализовано. Такая же ситуация сохраняется и сегодня.

Я вам очень благодарен за упоминание таких имен как Тойнби, особенно Борис Поршневу, с которым я был лично и близко знаком, с его рядом чисто семейных обстоятельств, который был доктором исторических и философских наук. Это был человек очень интересный и увлекающийся, но его оценки, сколь высоко г-н Масарский их ни оценил, не включали в себя какую-то органическую неспособность нашего российского общества тиражировать свои собственные достижения.

Если говорить о сегодняшнем состоянии, я повторю то, что отсутствующий докладчик говорил. У нас есть отнюдь не огромное количество ноу-хау, продвижений, которые могут быть быстро реализованы и дать прибыль. Я бы сказал, что поскольку 70 с лишним процентов нашей экономики, нашей промышленности были милитаризованы в течение десятилетий и, казалось бы, получали все необходимые капиталовложения для того, чтобы прогрессивно, быстро развиваться, они были в большей степени вторичны и развивались только потому, что наш потенциальный партнер-противник их развивал. Если возвращаться к этой ситуации, то сегодня можно максимум по пальцам двух рук пересчитать то, в чем мы еще сохраняем интеллектуальное, отнюдь не производственное, преимущество или, во всяком случае, паритет перед потенциальными партнерами. И этот оптимизм относительно того, что мы сегодня еще что-то можем и можем быть впереди каким-то очень малым вектором современного научно-промышленного развития впереди планеты всей, я бы хотел сказать, что наша ментальное или традиционное мышление общества и государства не позволяют реализовать даже то, что мы имеем сегодня.

Я хотел бы просто предупредить, что не надо обольщаться нашим потенциалом в интеллектуальной сфере. Он есть. Видимо, Каха Бендукидзе кого-то цитировал, это было больше года назад, который сказал на какой-то тусовке, что в России есть три фактора — огромные территории, огромные запасы недр и т. д., и т. д. и плюс достаточно высоко образованное население. Первые два фактора стимулировали экстенсивное развитие общества и государства в нашей с вами стране. Последний из трех позитивный фактор имеет очень короткий срок жизни. При сегодняшнем отношении к науке или возможности науки и

образования этот фактор тоже быстро исчерпает себя. Чем мы будем жить дальше — это вопрос для всего сообщества. Спасибо.

А. Конопляник. Если позволите, две коротких реплики. Я нахожусь в менее привилегированном положении, чем Александр Александрович Дынкин, потому что начал извиняться, что должен полемизировать с отсутствующим докладчиком, а я хочу затронуть тему, которую подняли два отсутствующих человека и Рыжков, и Иноземцев. Т. е. вопрос, связанный с сырьевой обеспеченностью и как в условиях глобализации этот фактор может стать ограничением или, наоборот, стимулом. Это первый момент. Второй, соответственно, поскольку у нас стоит и Россия в теме нашей дискуссии. Была брошена тема — кувейтская модель для России. Немножко в том контексте, который, как мне кажется, не совсем корректен.

Начать хотел опять с того же Александра Александровича, который, с моей точки зрения, когда задал тему, что такое глобализация — угроза или возможность для развития. Мне кажется, применительно к сырьевой, по крайней мере, проблематике, благо это моя тема, можно конвертировать то, что он сказал, в иное. Глобализация, как мне кажется, это предпосылки для конвертации угроз в возможности для развития. И весь, скажем, исторический последнего полувека опыт развития мирового рынка нефти, его формирования, все нефтяные кризисы, как они были конвертированы в последствия для ухода от нефти, для отрыва ценообразования на нефть, для вырывания инструментов ценообразования из рук стран ОПЕК, из рук развивающихся стран, и перевода их на нефтяные биржи, формирование биржевого механизма со всеми плюсами и минусами, о которых говорили и г-н Рубанов, и г-н Масарский, т. е. биржа оказалась не в распоряжении развивающихся стран.

Основные биржи — Нью-йоркская и Лондонская — фактически зависят от ожидания макроэкономического свойства, которые приходят из развитых экономик. Т. е. неустойчивость развития рынка стала намного больше, но уже не развивающиеся страны определяют цены. Все эти факторы, с моей точки зрения, дали возможность промышленно развитым странам, если можно так сказать, конвертировать тот взлет цен, который был в 70-е годы, через формирование нового механизма рынка, через механизмы рециклирования нефтедолларов, через предложение механизма конвертации избыточных поступлений нефтедолларов в такие страны, как Кувейт, Саудовская Аравия, когда им некуда их было девать на начальном этапе. Вкладывали их на финансовые рынки западных стран и именно в значительной степени из этих депозитов финансировались те достижения научно-технического прогресса, которые дали возможность снизить издержки производства в альтернативные энергоресурсы за пределами развивающихся стран. Т. е. дали возможность промышленно развитым странам на ответ, который был предложен эволюционным развитием мировой энергетики, т. е. удорожание издержек производства за счет ухудшения природных факторов, за счет вложения нефтедолларов, которые получили развивающиеся страны, которые вложили в экономику западных стран, вложили в достижения НТП и привели к снижению издержек, сформировать ту сегодняшнюю экономику, которая сегодня уже менее зависима от развивающихся стран, т. е. от той периферии, о которой говорил г-н Иноземцев, от того эволюционного развития, когда ресурсы были ограничением.

Действительно, рассуждения, которые сегодня прозвучали, об уменьшении энергоемкости экономического роста, об уменьшении ресурсоемкости экономического роста — все эти вещи справедливы. Мы в Институте мировой экономики, когда я там работал, еще в 80-е годы делали серию монографий «Глобальные проблемы современности» и там эти проблемы рассматривали. Поэтому, с моей точки зрения, можно говорить о том, что именно глобализация формирования мирового рынка, глобального рынка, по крайней мере, применительно к энергетике (я могу об этом говорить, могу говорить в отношении энергоресурсов), создает возможности для трансформации угроз, идущих из ограниченности сырьевых ресурсов, в новые возможности для развития.

И второй момент. В силу этого, мне представляется, что принципиально некорректно говорить сегодня о возможности использования для России так называемой «кувейтской модели». Почему? Потому что Кувейт использовать эту свою модель в условиях 70-х годов, когда, во-первых, в его руках были механизмы ценообразования. В его руках и в руках других стран ОПЕК. И, во-вторых, ОПЕК был тогда что называется прайсмейкер, т. е. они влияли на цены. Россия была, есть и будет всегда прайстейкер, т.е. мы не формируем цены, мы зависим от этой конъюнктуры. Поэтому использовать для нас модель Кувейта можно только в том контексте, если мы туда будем вкладывать совершенно иной смысл.

Как, например, вижу я этот смысл, что мы попытались прописать в энергетической стратегии России до 2020 года, в ряде других системообразующих документов пытались писать применительно в энергетической стратегии нашей страны. Нужны ли инвестиции в нефть и газ? Да, нужны. Но для чего? В первую очередь, не для того, чтобы укреплять нашу сырьевую привязанность к мировой экономике, не для того, чтобы мы подобно ОПЕКу становились сырьевой периферией, чтобы только были завязаны товарные потоки, а для того, чтобы мы могли использовать те мультипликативные эффекты, которые создают инвестиции в нефть для других отраслей нашей экономики. Наша разница от стран ОПЕК заключается в том, что они были моноотраслевые экономики и до недавних пор ими и оставались. Только где-то в 80-е годы они начали интенсивно вкладывать эти дополнительные нефтедоллары, и то не все страны, в развитие других отраслей. Мы изначально были, есть и, надеюсь, останемся экономикой не одной отрасли, не только сырьевой отрасли. Поэтому конвертация того нашего ноу-хау, которое есть за пределами нефтяных отраслей, подкрепленное платежеспособным спросом, который могут генерировать нефтегазовые отрасли на продукцию того же конверсионного ВПК и т. п., подтвержденное или подкрепленное соответствующими усилиями государства для того, чтобы создать механизмы эффективного финансирования процессов реконструкции, модернизации наших конверсионных производств — это может создавать тот позитивный эффект кувейтской модели для нашей страны только в таком его понимании, когда инвестиции в нефть будут создавать в значительной степени прирост экономической и других отраслях. И по тем расчетам, которые мы делали у себя в Фонде, и в ряде специальных изданий, и на ряде специальных конференций попытались соответственно их обкатать, пока не получили опровержения. У нас получается, что инвестиции, скажем, в тот же нефтегазовый комплекс, но в условиях, если мы выстраиваем рациональные налоговую систему, правовую систему, т. е. в первую очередь мы считали применительно к проектам на условиях соглашения о разделе продукции. Так сказать, я полагаю, она немножко рациональнее, чем лицензионная система, у нас получалось, что основные доходы, т. е. основные эффекты, прямые и косвенные, государство получает в этом случае не за счет прямых бюджетных поступлений от нефтяных налогов, т. е. в добывающих регионах, не за счет этого, а основные прямые и косвенные эффекты государство получает за счет налоговых эффектов от сопряженных отраслей, т. е. через так называемые машиностроительные регионы.

Поэтому если в этом контексте понимать слова «кувейтская модель», да, я с этим согласен. Если понимать в том классическом понимании, в котором кувейтская...

...кувейтской модели. Если понимать в этом контексте, то он для нас естественно будет тупиковым. А трансформация его именно в то, о чем я говорил, это действительно для нас выход. И тогда не привязка на 50 лет к тому, чтобы развивать наш сырьевой сектор и поставлять то, что мы добываем, в западные страны, строить новые трубопроводы, новые нефтепроводы, если я так понимаю тот же самый план ПРОТИ (?), а использовать нефтегазовую отрасль для того, чтобы профинансировать, собственно говоря, ее упадок, если можно так сказать, для того, чтобы конвертировать эту самую ренту природную в ренту интеллектуальную, в ренту машиностроительную, информационную и прочее, прочее, прочее. В этом плане я с Сергеем Глазьевым согласен, с Львовым и т. д.

— Спасибо, Андрей. Ваши оба комментария укладываются, мне кажется, в очень хороший афоризм Суворова: «Надо всегда стремиться и конфузию превратить в викторию». Спасибо. Есть ли еще желающие выступить? Пожалуйста?

В.Аверчев. Два слова, потому что это имеет прямое отношение, видимо, к конечной задаче, к тому докладу, который рано или поздно проверится (?). В том, что сегодня говорилось в основном докладе о процессах глобализации, а именно, о разделении мира на мир первый и на мир остальной, имплицитно всегда присутствует один элемент, некий образец, некий источник стандартов — вот этот самый первый мир.

Давайте посмотрим, о чем говорил Сергей Петрович, что 11-то млрд. будет прибавлено за счет этого самого другого мира, а этот мир о себе судит и развивается отнюдь не по моделям и не по критериям того мира. А там внутри могут быть разрушающиеся общества, а могут быть общества стабильные и сбалансированные с точки зрения институциональной структуры, и с точки зрения традиций, устойчивости и некой совмещенной с этим развитие экономики. Они не похожи будут на европейскую, на американскую модель, но они будут жизнеспособны. И именно потому, что они будут жизнеспособны, они будут способны адаптировать этот колоссальный демократический процесс, взрыв, который будет. Адаптируют не в смысле физической абсорбции всех этих людей. Я не говорю о том, какие это процессы пойдут.

Я хочу сказать, что когда мы рассматриваем мир, чтобы уйти от катастрофического видения и встать на ту точку зрения, на которой стоял упоминавшийся здесь Конрад. Мир на самом деле полицентричен изначально. Когда мир рассматривается, с позиции основного докладчика, а именно: глобализация как феномен, относящийся только к одной части мира, это приводит к некоторому катастрофическому видению. Мир полицентричен в смысле, есть Китай, есть Индия, США, внутри себя самодостаточные цивилизации и которые имеют шанс, по крайней мере, они демонстрируют способности, несмотря на колоссальный демографический взрыв, который там происходит. Они абсорбируют этот взрыв. Их институты, их исторические, их традиционные модели оказываются жизнеспособными. И когда оборачивает он Россию, давайте не будем впадать в истерику и говорить, что если мы не в состоянии занять ту же самую нишу, которую сегодня занимает так называемый глобализированный мир, значит, это равносильно национальной катастрофе.

Я хочу сказать, что глубокая и, если хотите, интеллектуальная ошибка концепции так называемого догоняющего развития в том, что там имплицитно присутствует ровно эта идея. Или вы догоняете их, или вы неполноценны, вы несостоятельны и вы, в конечном счете, обречены. Мы даже на уровне терминов попадаем в эту ловушку. Давайте смотреть на мир, как на него смотрел Тойнби, как на него смотрел Конрад, в такой более, я бы сказал, попсовой форме, Шпенглер, но понимать этот мир именно таким образом, тогда тот некий катастрофизм, который возникает из альтернативной концепции мира, которую излагал наш уважаемый докладчик, притом что мне очень понравился доклад, тогда этот катастрофизм...

— Спасибо. Желающих выступить нет, да? У меня буквально будет несколько тезисов.

Поскольку наша цель все-таки обсуждений сводится к тому, что мы должны будем где-то к июню подготовить нулевую редакцию доклада, даже к марту, то применительно к этому докладу, с учетом прошлого обсуждения и сегодняшнего обсуждения, у меня буквально несколько соображений.

Первое. Безусловно, мне кажется, стоит в нашем будущем докладе дать наши представления, почему все-таки эта проблема глобализации так нас волнует, почему мы должны непременно реагировать на это абсолютно неотвратимое, неизбежное явление, закономерность, которой противопоставить и ничего нельзя, да и не нужно. Среди целого ряда аргументов, которые привлекают наше внимание к этой проблеме, они были разные, не буду повторяться, есть некоторые, на которые я хотел бы сделать акцент. Он был частично сделан уже на нашем прошлом обсуждении.

Конечно же, есть реальная угроза, а это нехорошо, реального размывания государственных национальных ценностей в мире развития или ускорения процесса глобализации. Не случайно Сергей Петрович Капица подчеркнул, что как бы бедна страна ни была или регион, или цивилизационное какое-то образование, в данном образовании есть свои ценности, свои достоинства, своя национальная культура, обычаи, традиции, язык и т. д., и мир красив своим разнообразием, а не только долларами или нефтедолларами. Эту сторону не надо нам как бы на второй план относить, стараться всегда использовать, как мне кажется, в качестве сильного аргумента, когда мы, может быть, излишне усиливаем потенциальные угрозы глобализации и то давление, которое через финансовые средства несомненно оказывается на ускорение этого процесса.

Есть один момент, по которому, мне кажется, должна быть наша реакция. Конечно, абсолютно очевидно, что транснациональные компании сегодня объективно на себя берут в большой мере все более возрастающую роль тех функций государств, государств, которые до сих пор были монополизированы этими государствами. Сегодня эти права существенно размываются и в большой мере концентрируются как бы через реалии функционирования транснациональных компаний, которые конечно же все в большей и большей мере пронизывают буквально все стороны функционирования того или иного государства, того или иного цивилизационного образования.

Конечно же, одним из прямых следствий процесса глобализации является неотвратимое, неизбежное усиление стратификации обществ. Если в былые времена эта стратификация осуществлялась по принципу бедный—богатый, сейчас появляются новые аспекты этой стратификации, которые проводят черту в обществе между интеллектуальной частью общества и неинтеллектуальной частью общества и недостаточно обладающим ресурсом знаний. Это новый вызов, несомненно, и последствия его нам еще надо понять и оценить. Не зря в прошлый раз, когда Ларионов делал доклад, он сделал одно замечание, очень существенное, если в былые времена создатель того или иного товара, продукта полагал, что его работодатель обманывает и что-то ему недодает, потому как он физический труд воплощает в становление прибавочного продукта. Возникает вопрос, а кто сегодня формирует прибавочный продукт? Когда математик, алгоритмист, программист формируют тот или иной, скажем, программно-логарифмический продукт, а рабочий к этим вопросам уже отношения не имеет, и у него нет действительно морального права претендовать на долю того продукта, который в итоге создается. Поэтому сегодня есть и прямые, и очень отдаленные нарастающие последствия именно на это обстоятельство, что сертификация теперь будет проходить по некоторому еще одному водоразделу, который будет в большой мере новым.

Общее, мне кажется, заключение и прошлого доклада Ларионова, и сегодняшнего сводится к простой формуле: богатые богаче, бедные беднее. Я хотел бы внести конкретное предложение для размышлений, может быть, даже есть смысл обменяться мнениями по этому предложению. Мы прекрасно понимаем, что фундаментом и ускорителем индустриализации стала инициатива в свое время Франции, которая на законодательном уровне приняла закон о частной собственности. На уровне законодательного оформления собственности. Французам весь мир благодарен за по существу открытие новой эры, которая послужила импульсом, катализатором индустриализации развития общества.

Как мне кажется, этот исторический период завершен по своей эффективности, который действительно характеризовался мощным стимулом для процесса индустриализации. Этот стимул увядает довольно заметно, и совершенно очевидно, что что-то должно прийти на смену этому главному фундаменту, главной опоре в развитии общества. С точки зрения самого развития общества мы понимаем — это информационная составляющая. А каков фундамент развития для информационного общества? Закон собственности на имущество здесь уже не работает или работает очень неэффективно. Очень похоже на то, что все больше и больше появляется оснований полагать, что следующим таким фундаментом уже будет не просто законодательное оформление права собственности на имущество, на оборудование и т. д., а право собственности на

собственный труд, не просто право на труд, а право собственности на труд. Это принципиально разные вещи. И право собственности на долю того продукта, который создается. Это особенно принципиально важно в связи с тем, что роль интеллектуализации, или роль интеллектуальной части общественной деятельности в любом государстве, несомненно, будет нарастать и далее и поэтому проблема законодательного закрепления права собственности на труд, а не права на труд, именно через призму интеллектуализации процесса труда, мне кажется, становится вопросом довольно актуальным. Во всяком случае, он уже стал обсуждаться и, наверное, не случайно, и для этого есть объективные основания.

Последнее замечание по докладу Делягина, тоже опять-таки, может быть, для дискуссии. Там четко проведена мысль, что роль денег по мере развития процесса глобализации будет снижаться. Этот тезис очень легко доказать, что это на самом деле так. Но тогда возникает вопрос, что же должно быть компенсацией этого мощного регулятора, который по существу определяет характер, темпы развития. Очень похоже, что эквивалентом увядающей роли денег будет все-таки физический критерий. И наиболее универсальным таким физическим критерием, к которому можно привести практически все стороны нашей жизнедеятельности, в том числе интеллектуальной, это все-таки некоторая единица, которая характеризует либо потребляемый энергоресурс, либо воспроизводимый энергоресурс. Это не новая постановка вопроса о том, что энергетический критерий рано или поздно станет всеобщим регулятором эффективности и труда, и эффективности общества, если говорить о чисто экономической стороне.

Сейчас представляется, что создаются условия, когда по мере реального увядания роли денег этот эквивалент может стать довольно мощным средством регулирования дальнейших процессов, в т. ч. и глобализации, проблемы, которую мы обсуждаем.

Я не утверждаю ничего из того, что я сказал. Это больше постановка вопросов для обсуждения. Мне кажется, что и первый, и второй вопрос имеют смысл для дискуссии. Спасибо.

— Я имею в виду сейчас уже доклад, а не сегодняшнее обсуждение, а предстоящий доклад. Мне кажется, что эти два наших обсуждения показали, что мы как-то меняем иногда модальность. Проблема ведь в том, и мы больше говорили об этом в прошлый раз, немножко меньше в этот раз, что наша тема, наверное, все-таки не проблема глобализации и вообще, будь то информационная, экономическая, политическая, какая угодно, демографические аспекты, связанные с глобализацией, сейчас под вопросом само наше государственное существование. Солженицын, например, пока еще в неофициальных беседах, призывает готовиться уже представителей русской культуры к безгосударственному бытию. Т. е. речь идет о возможности ответить на некие вызовы, которые стоят перед нами, вызовы, стоящие перед государственно-организованным народом. И это вопрос такой же, наверное, как с семьей.

Сейчас происходит очень много явлений, которые угрожают семье. Многие говорят, что семья в ее современном виде вообще устарела, есть социологические обстоятельства, легко фиксируемые, демографические обстоятельства и многие другие, которые показывают, что действительно семья в кризисе, но, тем не менее, все равно остается абсолютной ценностью. Да, ее форма меняется, да, отношения между старшими и младшими меняются, да, отношения между супругами меняются, но некая ценность остаются. Я думаю, нам надо выбрать такой же модус и для доклада. Т. е. не глобализация вообще, а все-таки глобализация и вызовы для российского государства, точнее: вызовы для российского государства и общества. И дальше, уже со следующего доклада можно постепенно сосредотачиваться вот так.

— Мы выступления не ограничиваем. Но у нас две цели: первая — это прописать, что нужно делать в этих условиях России и российскому обществу. И вторая — это образовать российскую публику о том, что происходит. Поскольку мы будем издавать видимо журналы, книги и т. д. Поэтому здесь все очевидно. Единственное, конечно, что наши председатели должны всегда говорить: а ты о чем говоришь? Ты о России говори, ближе чтоб к телу. Я

знаю, что г-н Егоров, председатель Ассоциации российских банков, близок к телу нашего простого народа.

— Да, я приготовился выступать именно ближе к телу, поскольку тематика была так сформулирована: что делать России. Конечно, глобализация — это процесс, который не остановить. Я с Сергеем Петровичем согласен в том плане, что она возникла не сейчас. Как человек появился на Земле, так в той или иной степени, в большей или меньшей концентрации эти процессы шли. Сейчас запретить или сказать нам «чур, меня», потому что мы Россия, не получится. Надо приспособиться к тем процессам, которые происходят и использовать их и сильные, и слабые стороны.

Я ближе к банковской системе скажу. Хотя Поколли и сказал, что деньги скоро отомрут, да? (Оживление в зале.) Коля, я позвоню маршалу Сергееву, чтобы он тебе зарплату в деньгах не давал, а в каких-то энергетических единицах. Что мы наблюдаем? Конкретно глобализация выражается сегодня в таких правилах, которые тоже человечество сформулировало. Предположим, ВТО. Россия стоит на пороге вступления в ВТО. Это как раз конкретное выражение глобализации для практических дел. Что нам делать: вступать или не вступать? Не вступать нельзя, хотя еще несколько лет назад была официальная точка зрения: а что это нам дает, ничего нам не дает, кроме беды. Но сейчас, в общем-то, и на государственном уровне, и на практическом уровне все понимают, что никуда не уйдешь от этого дела.

Другой вопрос, что, конечно, мы должны учитывать и международный опыт, и закладывать его в те постулаты, в те нормативы, которыми будет руководствоваться та или иная отрасль хозяйства, и решать эти вопросы, когда мы уже будем торговаться с этим ВТО: выторговывай как можно больше для себя тех преимуществ, которые, в общем-то, глобализация несет.

Что происходит у нас в банковской системе? Для нас сейчас большой вопрос, как немножечко приостановить этот процесс глобализации с точки зрения проникновения банковского капитала к нам, в Россию. Казалось бы, это благое дело: раз инвестиции, банки иностранные должны идти к нам, за ними идут инвестиции. Что показывает практика, не только наша, но и международная? Банк, который создается в какой-то стране, он за собой еще не тянет инвестиции. У нас, в России, сейчас 21 банк, где 100% иностранный капитал или более 50%. Но банки не принесли ни одного доллара в форме инвестиций. Они зарабатывают свои башли, не думая о развитии экономики. (Не надо. Зато русские вложили в эти банки, а в ваши никто не вложит.) Русские — да, правильно. Нам нужно сделать вывод: мы пока не готовы к конкурентной борьбе с теми процессами в экономике, положим, в банковском деле, которые надвигаются на нас. Что получилось?

Сейчас говорили, что в странах бывшей народной демократии, в Польше, Словакии, Венгрии и т. д., у них до 70% иностранные банки. Сейчас пока отношения хорошие, они хотят вступить в НАТО, и благожелательное выделение средств на оборотные капиталы и банковский капитал. Но достаточно испортиться политическим отношениям с этими странами, и эти страны будут находиться в подвешенном состоянии, потому что решения выдавать или не выдавать кредиты принимаются не в Варшаве, не в Будапеште, а в Берлине и других странах. Это мы должны учесть. И учесть, прежде всего, в том плане, что до какой же поры нужно нам допускать иностранные банки, иностранный банковский капитал для того, чтобы нам не оказаться в положении, учитывая особенности нашей страны: и территория большая, и мы как-никак на острие международной политики. Поэтому эти вопросы, конечно, мы должны взвесить: за и против.

Мы уже долго думали над этой позицией. На последнем съезде мы даже специально обсудили этот вопрос: концепцию развития банковской системы в рамках глобализации и вступления в ВТО. Я думаю, что смысл моего выступления заключается в том, чтобы здесь от высших так сказать сфер опуститься на землю, чтобы потом Россия не оказалась в таком положении: ох, черт возьми, а нами командуют; не мы командуем, как развивать экономику,

как наш народ кормить, поить, а будем находиться в таком положении, когда будем ходить с протянутой рукой. Спасибо.

— Есть предложение попросить Сергея Александровича подвести итоги.

С. Караганов. Спасибо большое. Итоги подведем лет через 50, когда выясним, прав ли уважаемый академик Капица, и будет у нас там новый этап развития... Итог наш мы будем подводить по мере работы. Сейчас мы нарабатываем как бы рабочий капитал. Я думаю, что второе заседание было более интересным и более глубоким, чем первое. Думаю, что третье будет лучше, поскольку мы сами понемножечку образовываемся на самом деле. Надо будет попросить уже нашу исполнительную дирекцию: Татьяна Викторовна, послушайте ценные указания. Надо нам уже дать возможность тем, кто хочет читать предыдущие выступления, размножать по несколько дискет каждый раз с тем, чтобы у нас предыдущие уже были готовы, и мы могли уже сами начинать читать. В принципе, следующее мы решим. Я думаю, либо следующее будет по новым тенденциям мировой политики, что самое трудное. Поскольку это очень непростой вопрос, он у нас сегодня тоже затрагивался, и самый непаханный, для России очень существенный. Либо по одной из экономических субтем, но затем мы уже приступим к работ по подготовке доклада, потом обсудим уже на более широком форуме и двинемся дальше, двигая наши знания в массы. В принципе, единственная просьба, начать тем, кто пишет, и публиковать. Мы можем уже сейчас начать договариваться с журналами, с газетами, поскольку, наверное, какой-то материал набрался. И начать серию публикаций. Давайте мы отдельно в какой-нибудь маленькой группе решим, как это делать.

Кстати говоря, если у нас будет журнал, то, возможно, его редактором будет Михаил Аркадьевич Озеров, который здесь сидит. Он сейчас как раз проводит переговоры. Не у нас будет журнал. Это журнал, который создается издательским домом «Московские новости», но на деньги одного из крупных российских промышленников с тем, чтобы... Но он и предприниматель неплохой. Когда мы сначала попытались собрать большую сумму денег с многих российских предпринимателей, они быстро наехали друг на друга и сказали: с этой сволочью мы разговаривать не можем, поскольку, в общем, все они одинаковые. Поэтому я взял одного в результате. Что же касается заявления г-на Егорова, которого мы все любим и обожаем, то чем меньше русских банков будет, я вам скажу, тем лучше будет для России. Хватит, надоели... надоели... кроме Сбербанка, Внешэкономбанка, а все остальные пусть будут иностранные...

— Сергей Александрович, все, о чем вы говорили, и в вашем интервью, которое я прочитал, остается вопрос, на который вы ответили пессимистически, относительно востребованности властью того интеллектуального потенциала, который со слабой надеждой ваше сообщество здесь представляет.

— Вы знаете, мы же работаем не на власть, как всегда, а мы работаем на изменение мнений элиты. Это нам всегда удавалось до сих пор, если говорить серьезно. Удавалось иногда решающим образом, а иногда не решающим образом.

— А вы заметили, что элита деградирует в последнее время?

— Заметил, но мы тут ни при чем.